ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО
ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033
ПОСЛЕДНЕЕ УБЕЖИЩЕ
БОНУС! ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ АРТЕМА ИЗ МЕТРО 2033
ОТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО
FUTURE CORP.

Метро

Сергей Москвин

Метро 2033. Последнее убежище (сборник)

«АСТ»
2013

Москвин С. Л.

Метро 2033. Последнее убежище (сборник) / С. Л. Москвин — «АСТ», 2013 — (Метро)

ISBN 978-5-271-40025-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!Как Убер попал в группу «Солнышко», и может ли молебен о здравии быть оплачен кровью? Чему учат наставники, и на кого охотятся снайперы 2033-го? Какова главная тайна Великой Библиотеки, и что лежит за порогом рая? Легко ли стать спрутобоем, и можно ли уйти от судьбы? Чего стоит слово сталкера, и где найти настоящего немца? Как одолеть одного-единственного монстра и успеть встретить один-единственный рассвет?Двадцать первая книга «Вселенной». Двадцать один рассказ. И – специальный бонус от Дмитрия Глуховского: продолжение истории Артема из «Метро 2033»!

ISBN 978-5-271-40025-4

© Москвин С. Л., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Все в «Убежище» 5
Шимун Врочек. Убер и революция 14
Андрей Гребенщиков. Легион последней надежды 53
Ольга Швецова. Наставник 67
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Последнее убежище (сборник)

Все в «Убежище»

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Ровно два года назад мы дали старт «Вселенной». Сейчас вы держите в руках двадцать первую книгу нашей серии. Если собрать их все вместе и выставить на полку по порядку, из букв на корешках сложатся слова «Вселенная Метро 2033» – а наш герб-печать, изображенный на корешке «Последнего убежища», замкнет ряд. Конец «Вселенной»?

Когда проект начинался, я дал обещание: не допустить, чтобы серия превратилась в конвейерную штамповку одинаковых бездушных книжонок. Пообещал, что буду лично отбирать, вычитывать и редактировать книги «Вселенной», чтобы не допустить выпуска ерунды и халтуры.

Вот уже два года я держу слово, и до сих пор в нашей серии не вышло ни единой книги, которую я бы лично не прочел и не одобрил. Часто случается, что какие-то вещи меня в романе не устраивают, я считаю, что можно сделать лучше, – и тогда мы вместе с автором и редакторами издательства дорабатываем эту книгу.

Поэтому из двадцать одной книги (а это много!) мне не стыдно ни за одну. Все они разные, но всех хороши.

Однако книга, которую вы сейчас держите в руках, – это эссенция нашей серии, ее экстракт, лучшее из лучшего. На Новый 2012 год (а вдруг он действительно будет последним, а?) мы решили сделать вам очень специальный подарок.

В «Последнем убежище» укрылись авторы лучших романов «Вселенной» – Сергей Антонов («Темные туннели»), Шимун Врочек («Питер»), Андрей Гребенщиков («Ниже ада»), Андрей Дьяков («К свету»), Сергей Кузнецов («Мраморный рай»), Сергей Москвин («Увидеть солнце»). Все они написали по небольшой, но пронзительной истории специально для этой книги. Но главное – сюда вошли лучшие пятнадцать работ метрожителей – авторов портала Metro2033.ru – и поверьте, некоторые из них написаны просто блестяще.

Мне тоже захотелось добавить в эту особенную книгу что-то от себя. Меня тысячу раз пытали, что же случилось с Артемом после того, как закончилось «Метро 2033». Последние семь лет я отказывался говорить и писать об этом, не хотел раскрывать судьбу главного моего героя.

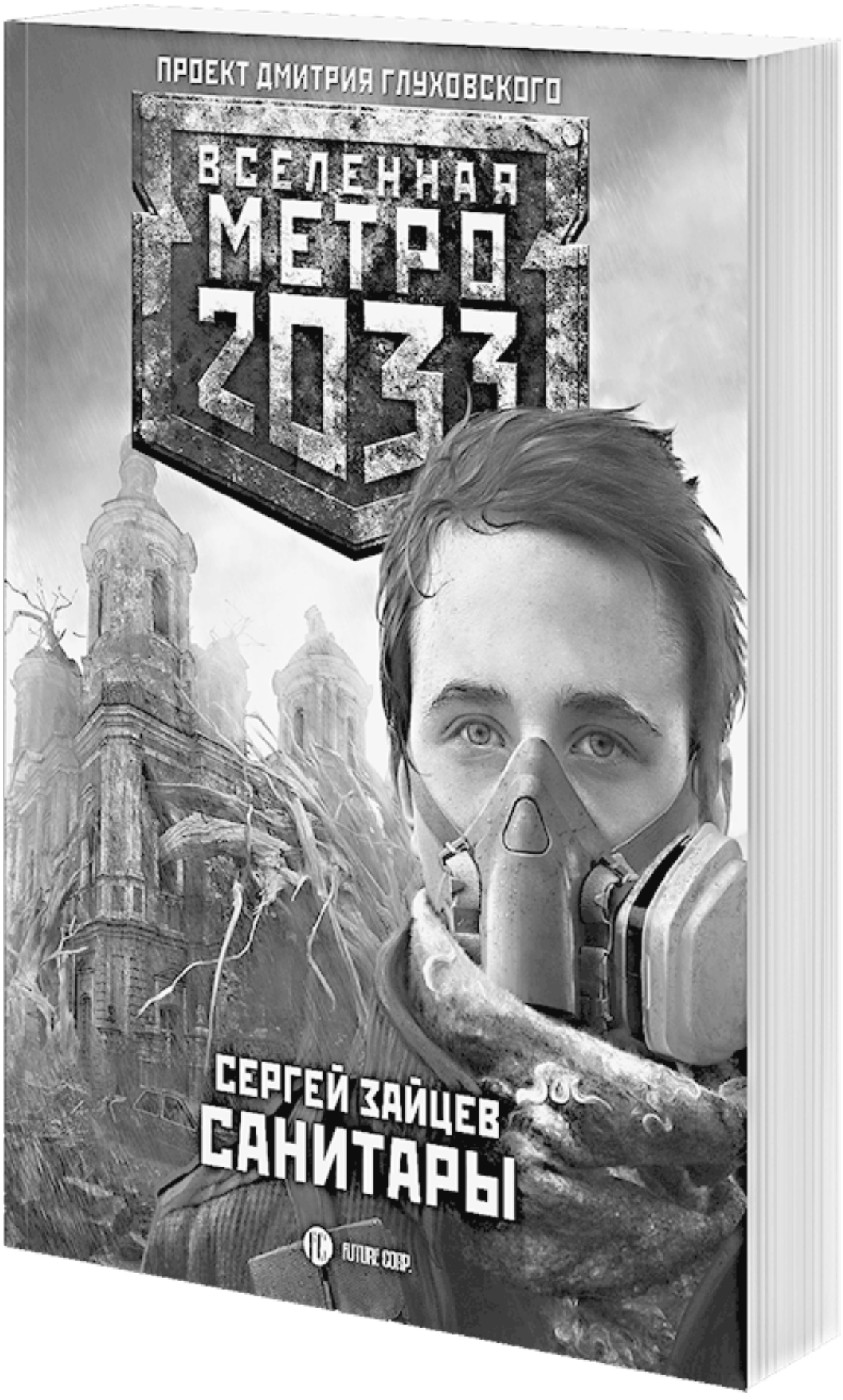
И вот – дрогнул.

В «Последнем убежище» прячется и мой собственный рассказ – «Евангелие от Артема». Я не хотел говорить, что произошло с Артемом – теперь он говорит об этом сам.

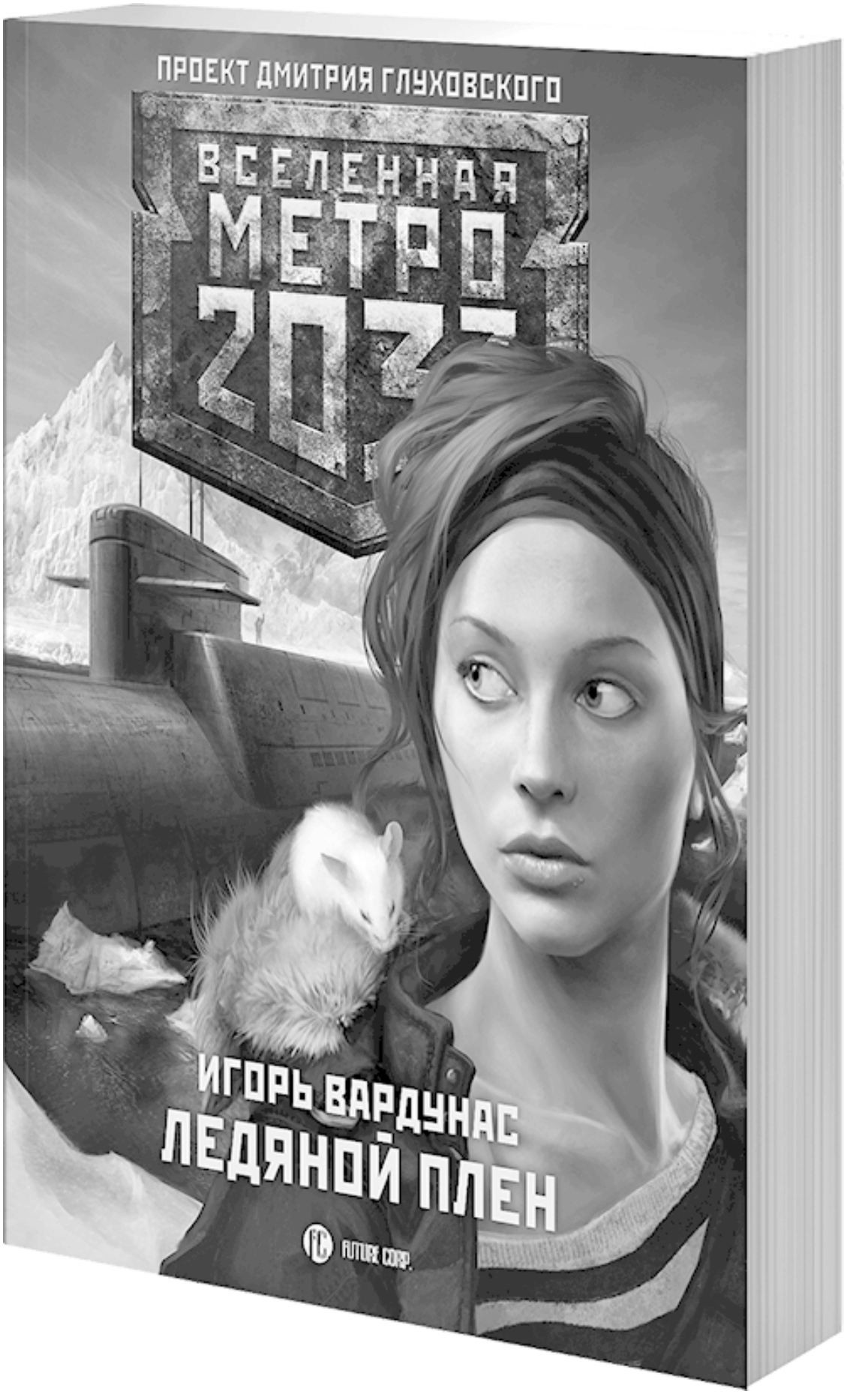
Два года назад, когда все начиналось, я не ставил перед собой грандиозных задач и понятия не имел, сколько продлится этот проект. И то, что скоро книги серии захватят уже весь мой рабочий кабинет, для меня самого – сюрприз.

Я и сейчас не знаю, сколько еще романов нас ждет впереди – один, три, десять? Ясно только, что на этой книге, корешок которой закрывает и запечатывает полку с буквами «Вселенная Метро 2033», наша Вселенная не заканчивается.

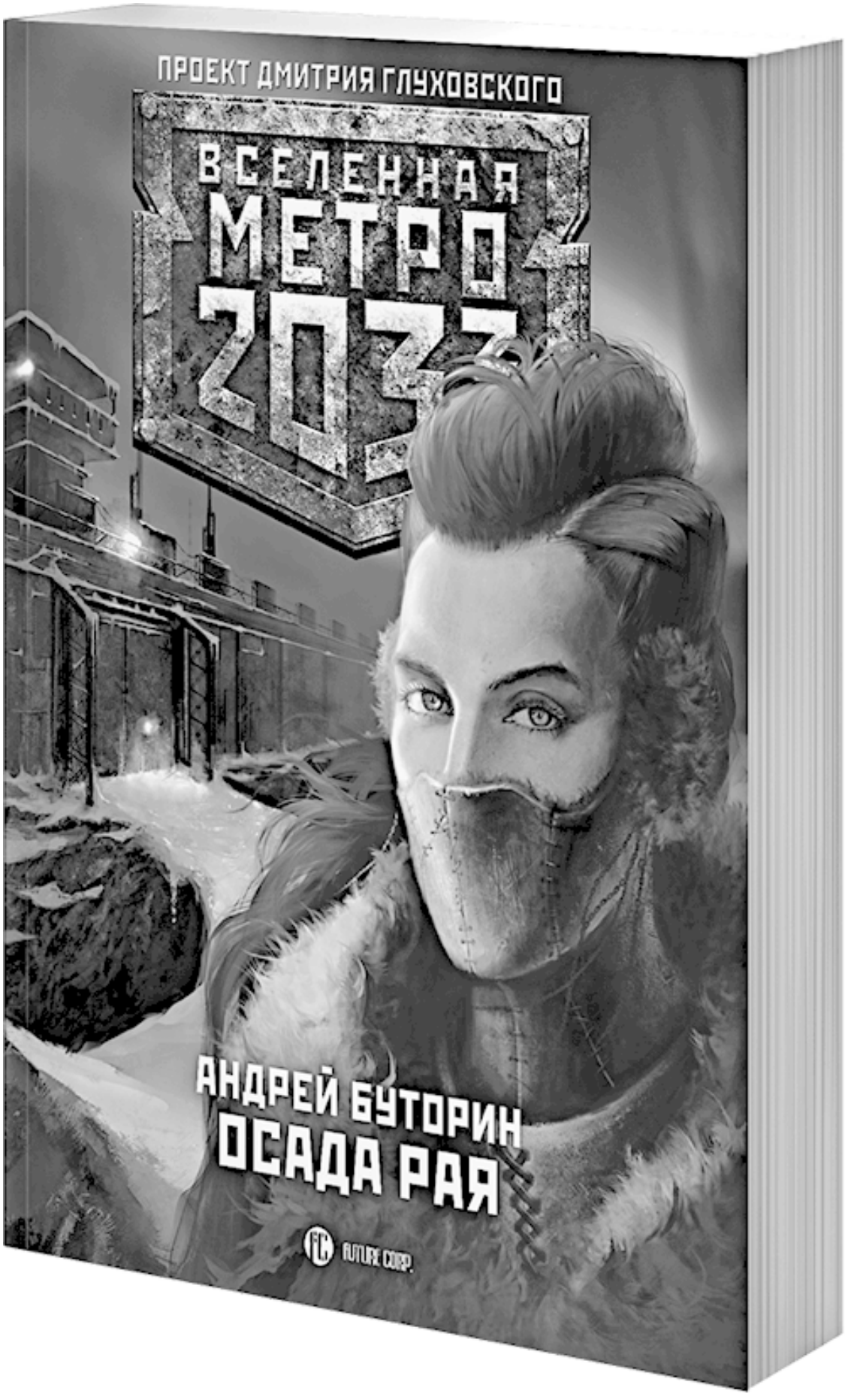
Дмитрий Глуховский


ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО
ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033
СЕРГЕЙ ЗАЙЦЕВ
САНИТАРЫ
FUTURE COMP.

Никогда еще в Московском метро не проводилось столь широкомасштабной и тщательно законспирированной операции! Спецслужбы и руководство Ганзы, Полиса, Красной ветки и Четвертого Рейха всерьез озабочены появлением «быстрянки» – непонятного и смертельно опасного генного заболевания, за последний год зафиксированного на самых разных станциях. И хотя пока счет заболевшим идет лишь на десятки, проблема в другом: все они или умирают раньше, чем до них добираются медики, или бесследно исчезают. Есть подозрение, что это дело рук Санитаров – членов тайной организации, по каким-то причинам устраняющей или похищающей таких людей…

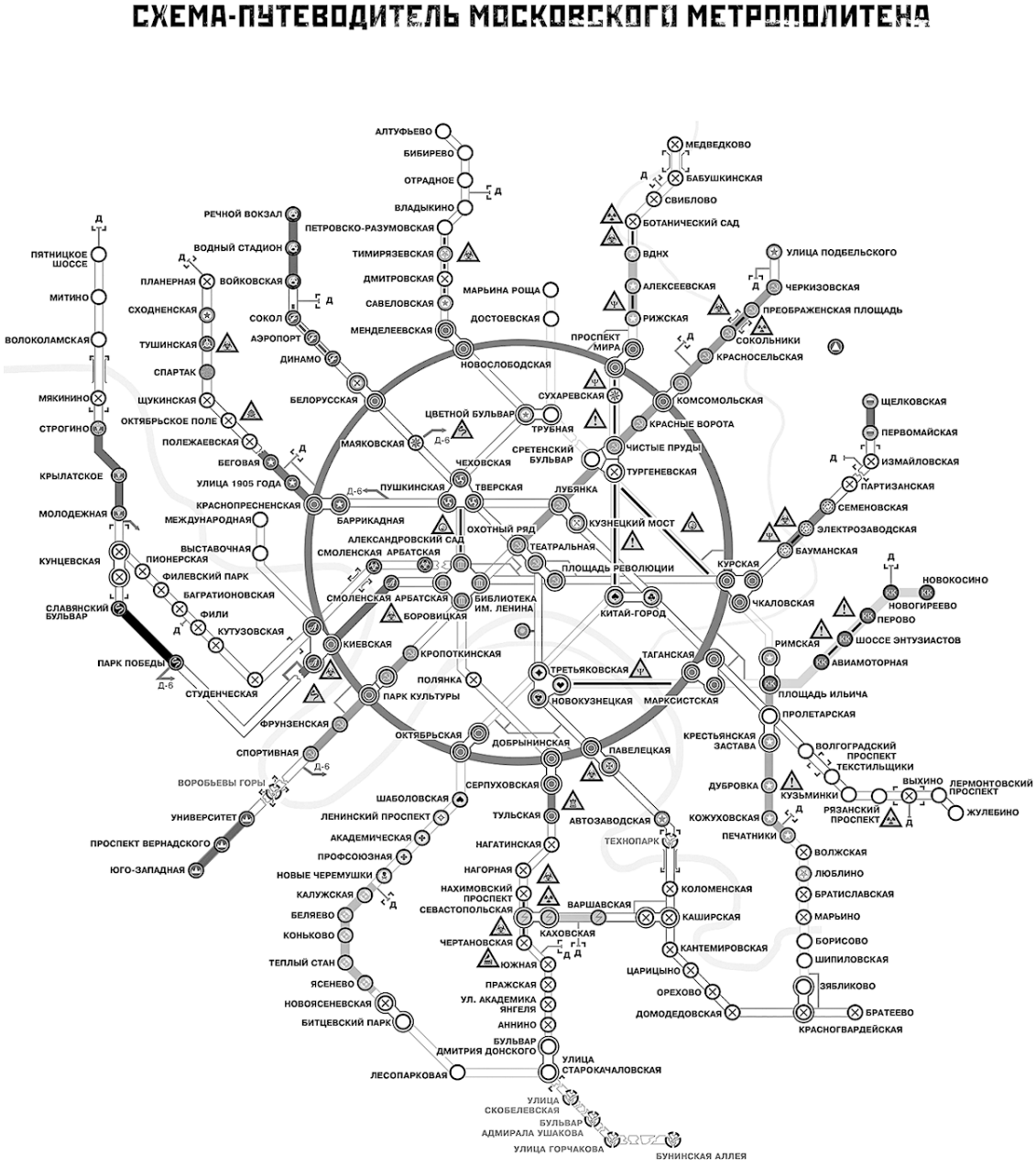

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО
ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033
ИГОРЬ ВАРДУНАС
ЛЕДЯНОЙ ПЛЕН
FC
FUTURE CORP.

Говорят, где-то во льдах Антарктики скрыта тайная фашистская база «211». Во время Второй мировой войны там разрабатывались секретные виды оружия, которые и сейчас, по прошествии ста лет, способны помочь остаткам человечества очистить поверхность от радиации и порожденных ею монстров. Но для девушки Леры важно лишь одно: возможно, там, в ледяном плену, уже двадцать лет томятся ее пропавшие без вести родители…


ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО
ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033
АНДРЕЙ БУТОРИН
ОСАДА РАЯ
FC
FUTURE COMP.

Встречайте продолжение самого необычного романа серии – «Севера» Андрея Буторина!

Пройдя через небывалые испытания, неоднократно рискуя жизнью, саам-изгнанник Нанас все же выполнил просьбу «небесного духа», летчика Семена Будина, и доставил его дочь Надю в город Полярные Зори. Но и этому чудесному «раю», последнему очагу цивилизации на разрушенном во время Катастрофы Крайнем Севере, грозит ужасная опасность, справиться с которой не под силу никому из живущих…



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

МЕСТА ДЕЙСТВИЯ РАССКАЗОВ

Убер и революция – Санкт-Петербург
Легион последней надежды – Екатеринбург
Наставник – Москва
Снайпер – Москва
Tabula Rasa – Москва
Быть человеком – Краснодар
Детский мир – Москва
Арси – Москва
Млечный Путь – Бийск
За порогом рая – Новосибирск
Сигнальные фонари – Москва и Московская область
Мемуары призрака – Париж, Москва
Надежда в подарок – Москва
Спрутобой – Сочи
Новогодняя история – Санкт-Петербург
Настоящий немец – Москва
Вместе навсегда – Москва
Уйти от судьбы – Московская область
Слово сталкера – Москва

Монстр – Москва
Паровозик из Ромашкова – Нижний Новгород
Евангелие от Артёма – Москва

Шимун Врочек. Убер и революция

Раз, два. Раз, два. Мы идем по Африке.
Редъярд Киплинг

– Группа «Солнышко», подъем!

Началось, подумал Макс. Дал организму последнюю секунду понежиться. Затем рывком сбросил одеяло – тонкое, почти не греющее – и спрыгнул вниз. Бетонный пол обжег холодом.

– Группа «Артишок», подъем! – далекий голос. Вспышка ярости была ослепляющей, на некоторое время Макс даже перестал чувствовать пятками холод бетона. Другую группу будили секунд на десять позже. Твари!! Ненавижу, подумал Макс. Потом сообразил, что это сделано нарочно. Разделяй и властвуй. Классика. Чем больше люди ненавидят друг друга, тем проще ими управлять.

Макс понял это за мгновение – но ненависть к «артишокам» не стала меньше.

Даже наоборот.

Рядом матерился Уберфюрер – местный скинхед. Рослый, с выбритой налысо головой. Впрочем, последнее никого не удивляло. Воспитуемых брили всех – говорили, от вшей. Так что «фашистов» тут полстанции, а то и больше.

Убер в залатанных штанах (форма одежды номер один) растирал суставы, щелкал костяшками, крутил головой. Макс видел, как по обнаженной спине скинхеда двигаются заросшие шрамы. Резаные, от пуль… разные. Ожоги. Странно: шрамы на лопатках складывались в рисунок – словно раньше там были крылья, но потом они то ли сгорели, то ли их срезали с мясом.

Ангел, блин.

Да уж, не хотелось бы мне с таким «ангелом» повстречаться, подумал Макс.

– Спим?! – в палату ввалился Хунта – «нянечка» группы «Солнышко», огромный тип в засаленной телогрейке. Из прорехи на животе торчал клок желтой грязной ваты. – Кому-то особое приглашение требуется?!

Особого не требовалось. Группа «Солнышко» в полном составе бросилась на выход, выстроилась в коридоре…

– Вперед! – скомандовал Хунта.

Побежали. Туннель, освещенный редкими фонарями, закачался перед глазами. Трудновоспитуемые, трясясь от холода и стуча зубами, шлепали вслед за нянечкой. От недосыпа строй заваливало, как при сильном ветре.

Но никто не упал.

Иначе Хунта заставил бы всех вернуться и бежать снова. И еще раз, если потребуется. При всей своей обезьяноподобной внешности – низкий лоб в два пальца, толстый нос, уродливые уши – дураком «нянечка» отнюдь не был, а по жестокой изобретательности мог дать фору любому. Воспитатели нянечку ценили – в его группе ЧП случались исключительно редко…

Пока здесь не появился Макс.

А затем в «Солнышко» из лазарета перевели Убера, и стало совсем весело.

– Не отставать! – рявкнул Хунта. Колонна добежала до туннельного санузла, чуть помедлила, затем разом втянулась в бетонное вонючее чрево – словно людей всосало под давлением. Быстрее, живо, живо!

В нос ударило застарелым ароматом мочи и яростно-химическим, прочищающим мозг до лобных долей запахом хлорки. Трудновоспитуемые выстроились у желоба писсуара, кто-то поспешил в кабинки…

Макс помочился и успел к умывальникам одним из первых. Скрип ржавого металла, плюющийся кран, струйка мутной тепловатой воды. Макс тщательно вымыл руки, лицо, за ушами. Прополоскал рот, почистил зубы пальцем. Надо держать себя в чистоте, иначе кранты. Сгниешь заживо. Станешь, как гнильщики. Макса передернуло.

Вдруг толкнули в спину: давай, давай, тут очередь! Вспышка. Он сдержался. В другое время, в другом месте он бы уже сломал торопыге нос. Но «школа жизни» на Звездной сделала из Макса нового (позитивного, блин) человека. Пожалуй, это единственное, за что местные порядки можно поблагодарить.

Поэтому он спокойно, не торопясь, отряхнул руки, прошел мимо торопыги. Не смотри, велел себе Макс. Не запоминай. Иначе треклятая рожа засядет в мозгах и придется вернуться, чтобы выбить ее оттуда. А у меня нет на это времени. Сегодня – точно.

– Кха! Кха!

Макс замер. Резко повернулся, случайно зацепив взглядом обидчика. Да чтоб тебя! Но было уже поздно: он запомнил.

– Кха! М-мать! – знакомый голос. Макс рухнул с оглушительно ревущих небес ярости на унылый бетон санузла, выругался. Конечно, именно сегодня…

Закон всемирной подлости в действии.

Убер склонился, уперся руками в края раковины – казалось, еще усилие, и он вырвет ее из стены. Голая, покрытая шрамами спина скинхеда напрягалась и дергалась. Макс сделал шаг. Заглянул Уберу через плечо (на плече была татуировка: серп и молот в лавровом венке – странно, что местные не признали скинхеда за своего)…

На выщербленной поверхности раковины темнели сгустки. Темно-красные, почти черные в таком свете.

Кровь.

Не сегодня, попросил Макс мысленно. Только не сейчас. Он не верил в Бога – точнее, не верил в доброго белого дедушку с бородой.

В ощущениях Макса все было иначе. Рядом находится некая сила – нечто аморфное и не слишком доброе. Только такой бог, по убеждению Макса, мог выслушать миллионы криков сгорающих в атомном пламени людей и не сойти с ума.

И это аморфное и не слишком доброе можно было попросить.

Только просьбу нужно формулировать проще. Как для огромного, туповато-злобного идиота – бога с болезнью Дауна. Например: не мешай мне. Или – пусть у меня сегодня все получится. А я отдам тебе свои глаза. Или зубы. Или что-то еще. Идиот должен получить что-нибудь взамен. Если мольба срабатывала, Макс заболевал. Садилось зрение, он не мог различать буквы. Ныли суставы, начинало ломить спину. Но потом это проходило. У идиота, к счастью, была короткая память. Взяв глаза Макса, он игрался день или два, потом забывал про них. Макс снова начинал видеть нормально. И так до следующего раза…

До очередной просьбы.

Сейчас именно такой случай. Если Хунта решит, что скинхед кашляет слишком громко, или увидит кровь, то отправит Убера обратно в лазарет. И все сорвется. «Ты, там, где ты прячешься, – беззвучно воззвал Макс. – Я хочу, чтобы у меня… у нас все получилось». Злобный идиот молчал. Убер кашлял.

У скинхеда лучевая болезнь. Но до сих пор это Убера не очень беспокоило – и вдруг приступ. Идиотский, на хрен, кашель с кровью.

Ну же, снова воззвал Макс. Идиот… где ты там? На небесах? Каких еще небесах?! Бог где-то там, глубоко под метро. В убежище под землей – в духоте и потемках, он потный и склизкий, и пахнет плесенью.

«Ну же!»

Идиот по-прежнему молчал.

Тут Макс скорее почувствовал, чем увидел: люди расступались. Молча. Макс одним движением оказался рядом с Убером, тронул за плечо. «Здесь Хунта», произнес негромко и отступил.

Вовремя.

– А ну, чего встали?! – под взглядом «нянечки» люди делались меньше. Хунта прошел к раковинам – огромный, злобный тип – и остановился рядом с Убером.

– Ты! – начал Хунта.

Макс шагнул к нему – и замер, словно уткнулся в стену. От «нянечки» шел мощный звериный дух…

Давно, еще до войны, до того дня, как выживших загнали в метро, маленький Макс побывал в зоопарке. Животные севера. Стеклянная стена, за которой расхаживал туда-сюда грязно-белый полярный медведь. В бетонном корыте плескалась зеленоватая вода. Медведь поводил вытянутой бесстрастной мордой. Чувствовалось, что если бы не стена, он бы недолго терпел глазеющих на него людей. Макс приник носом к стеклу и заворожено наблюдал, как изгибается при каждом шаге медведя свалявшаяся шерсть. И чувствовал запах.

Запах зверя за стеклянной стеной… Только сейчас стены не было. Маленькие глазки Хунты под низким лбом, надвинутом на нос, словно козырек кепки, опасно блестели. В них отражался тусклый огонек лампы.

– Чего тебе? – медленно произнес Хунта. Лицо равнодушное. Самая опасная черта «нянечки»: никогда нельзя угадать, что у него на уме. Лицо Хунты не менялось, словно некий хирург перерезал провода, по которым идут сигналы к мимическим мышцам. Хунта с одинаковым выражением и хвалил за старание, и вырывал человеку плечевой сустав.

– У меня вопрос… – начал Макс.

– На хрен твой вопрос, – Хунта даже не моргнул. Повернулся к Уберу: – Ты! Что там у тебя?

Молчание. Макс приготовился к худшему.

Убер медленно выпрямился. Макс видел, как блестит в свете фонарей его изуродованная спина. Мелкие капли пота…

Скинхед повернулся.

– Я? – он ухмыльнулся. – Я в порядке. Уже и высморкаться не дают спокойно!

Физиономия Убера – вполне обычная. Макс выдохнул. Бог-идиот наконец откликнулся…

Хунта приблизил свое лицо к лицу скинхеда. У Макса мелькнула дурацкая мысль, что сейчас «нянечка» высунет шершавый, как у медведя, язык и слизнет капли с носа Убера.

Бред какой-то.

– НА ВЫХОД! – заорал вдруг Хунта, не поворачивая головы. Макс вздрогнул. – ВСЕ!!!

Секундная заминка – и народ бросился наружу.

– Ты, – сказал Хунта. – Не думай, что самый умный. Я за тобой буду приглядывать. На выход! Бегом!!

– Есть! – Убер бодро выскочил в туннель, так что Максу пришлось поднажать, чтобы не оказаться последним. Скинхед подмигнул приятелю и занял место в колонне. Долгая пауза. Наконец из санузла вышел «нянечка». У Макса похолодело в животе. Вдруг Хунта увидел кровь в раковине?

«Нянечка» медленно обвел колонну взглядом. Воспитуемые затихли.

– Засранцы, – подвел итог Хунта. – Через десять минут поверка. Бегом в палату, привести себя в порядок. Пошли!

Топот босых ног. Сиплое дыхание. Качающийся свет туннельных ламп. Лязгающий гул работающих механизмов, словно там, далеко в темноте, ворочался чудовищно огромный и не слишком довольный зверь.

Пронесло, подумал Макс. Зубы стучали. После того, как схлынула волна адреналина, он снова начал замерзать. Лоб в холодной испарине.

«Но как, черт возьми, я во все это вляпался?!»

* * *

Станция Звездная находилась в самом низу красной ветки, именно здесь коммунисты копали туннель до Москвы. Красный путь, как они его называют. Дебилы. «Но как меня занесло к этим дебилам?» Хороший вопрос. Просто замечательный вопрос.

Макс забрался в комбинезон. Трясясь так, что зубы клацали, кое-как застегнулся. Обхватил себя руками, чтобы хоть немного согреться.

Как его сюда занесло – Макс старался не думать. Планировалась обычная встреча: вошли, поговорили, вышли. А что в итоге? Он уже три недели здесь – машет киркой, таскает тачку, полезно проводит время.

Вокруг Макса шумело и кашляло, кряхтело и всхлипывало, стучало зубами и тихо материлось трудновоспитуемое человеко-множество. Полсотни рук, полсотни ног.

Голов, к сожалению, гораздо меньше. Макс слышал, что на некоторых станциях живут мутанты – но не особо в это верил. Интересно, сколько у них рук-ног и по сколько голов на брата?

– Как ты? – спросил он Убера. Скинхед ухмыльнулся.

– Порядок, брат. Все по плану.

Макс кивнул – с сомнением. На Сенной тоже сначала все шло «по плану», а потом завертелось. Если бы не странное везение, не раз выручавшее Макса в подобных ситуациях, лежать бы ему рядом с толстяком. Но сначала он захотел отлить, просто не мог терпеть, а по возвращении услышал странные металлические щелчки – нападавшие пользовались самодельными глушителями из пластиковых бутылок. В дверную щель Макс увидел мертвого Бухгалтера, лежащего в луже крови.

Макс не стал выяснять, что случилось. Он сбежал. Перед глазами до сих пор маячило удивленное лицо толстяка…

Если бы не работорговцы, взявшие его, спящего, в туннеле Сенная-Достоевская, Макс уже был бы дома. Глупо, глупо, глупо вышло!

Но сегодня, дай подземный бог-идиот, все изменится.

– Максим, простите, вы мне не поможете? – голос профессора вывел его из задумчивости. – Еще раз простите, что отвлекаю…

Макс повернул голову. Профессор Лебедев – потомственный интеллигент, ай-кью ставить некуда. Каким-то чудом ему удалось выжить в метро – причем даже не на Техноложке, где ученым самое место, а на Достоевской – ныне заброшенной. И как его раньше никто не прибил?

Или не продал в рабство?

Впрочем, сейчас профессор здесь. А значит, его везение (как и везение Макса) закончилось.

– Конечно, профессор. Что вы хотите?

Лебедев положил на койку очки, пластиковые дужки обмотаны синей, почерневшей от времени изолентой. Одно из стекол треснуло.

– Подержите Сашика, пожалуйста. А то он вырывается, а я ему никак лямку не застегну.

Макс кивнул. Белобрысому Сашику на самом деле было двадцать с лишним, но после электрошока и водных процедур – лечили «непослушание» – он подвинулся умом и застрял где-то в пятилетнем возрасте. Профессор за ним приглядывал.

Возможно, это и позволяло старику оставаться бодрым и не впасть в уныние.

– Сашик, стой спокойно, – сказал Лебедев строго. – Или дядя тебя заберет. Видишь этого дядю? Он страшный.

Сашик захихикал. Макс в образе «страшного дяди» не произвел на него никакого впечатления. Макс тяжело вздохнул.

– Убер! – позвал он. – Убер!

Скинхед повернул голову и с усилием растянул губы в улыбке.

Увидев эту улыбку, Макс понял, что худшее еще впереди. Но на Сашика это подействовало гипнотически – он замер. И профессору все-таки удалось застегнуть на нем комбинезон.

– Готово, – сказал Лебедев. – Спасибо вам… э-э… молодой человек.

Он почему-то избегал называть Убера по имени.

– Нет… проблем… – скинхед перевел дыхание: – …проф. Обращайтесь.

Макс прислушался.

ВОООООУ. Это стонали туннели в перегоне Звездная-Московская. Характерный низкий рокот. Даже приглушенный этот звук действовал на нервы.

Макс повел плечами. Людей он не боялся – совсем, каждый человек может быть вскрыт, как консервная банка – и чисто буквально, физически, и на уровне психологии. Макс уже давно убедился, что его воля заточена лучше и бьет точнее, чем воля любого другого человека. Макс, человек-открывалка. А, может, все дело в природной агрессивности…

Некогда существовала дурацкая теория, что от группы крови зависит характер человека, его психическая сила.

Так вот, первая группа – это хищники. Агрессивные, усваивают лучше всего мясо. Люди с первой группой крови появились на земле раньше остальных. Они более первобытные. Таких даже вирус или грязная вода хрен свалит.

Вторая группа уже может быть собирателями. Корешки, грибы, травка. И так далее. Самая незащищенная – четвертая группа. Чисто городские жители. Зато через одного гении и интеллектуалы. Но обладатели первой группы крови легко могут ими управлять – за счет агрессии и уверенности в себе.

Особенно в условиях, когда приходится выживать на подножном корме…

Макс помотал головой.

Потом вспомнил лицо того придурка, что толкнул его в сортире.

И вдруг почувствовал в ладонях знакомый зуд. Сердце билось быстро, дыхание учащенное. Бух, бух, бух. От адреналина горели щеки.

Наверное, у меня тоже первая группа крови, решил Макс.

«А еще я бы мог свалить Хунту.

Вдвоем с Убером мы бы его точно сделали».

– Вот блин, – чей-то голос.

Макс заморгал. И снова оказался в бетонной душной коробке палаты. Двухъярусные железные кровати. Трудновоспитуемые, толкаясь и потея, заправляли койки, натягивали одеяла до скрипа (не дай бог Хунта найдет складочку) и приводили себя в порядок. Кстати…

Макс оглянулся. А где Убер?

Скинхед сидел на полу рядом с койкой и держался за голову – лицо белое, как бумага. Иногда скинхед принимался скрипеть зубами и раскачиваться. Макс посмотрел на изуродованный шрамами затылок Убера и передернулся.

Как он вообще выжил? С такими травмами?

Убер почувствовал его взгляд и поднял голову. Белки глаз красные, страшные.

– Живой, брат? – спросил Макс.

– Ага. Не… не обращай внимания… Я в порядке.

– Сомневаюсь.

Убер обхватил ладонями железные столбики кровати, стиснул – пальцы побелели, и начал подниматься. Встал. Посмотрел на Лебедева.

– Профессор, – сказал он через силу, – вы образованный человек… Как называется усилие, от которого мозг болит?

Лебедев оторвался от Сашика, поднял брови – седые.

– Удар в челюсть вы имеете в виду, молодой человек?

Убер, несмотря на изуродованное страданием лицо, засмеялся:

– Ну… ну и шуточки у вас, профессор!

– Что вы, – сказал Лебедев растерянно. – Я… я вовсе и не думал шутить. Простите.

Убер замолчал, лицо вытянулось – теперь уже не от боли.

– Вы уникальный человек, профессор. Я серьезно говорю. Я с вас балдею.

* * *

Вскоре их подняли «нянечки» и повели строиться. Это называлось «поверкой».

Группу выстроили в межтуннельной сбойке. Традиция. Воспитатели тут носили пижонские белые халаты, а нянечки по-простому – что удобней, то и носили. Хунта нависал над низкорослыми воспитателями, как темный засаленный утес.

– Трудновоспитуемый Убер! – начал читать воспитатель.

– Я! – отчеканил скинхед. Макс почувствовал нотки издевки за внешней четкостью ответа.

– Трудновоспитуемый Лебедев!

– Я!

– Трудновоспитуемый Кузнецов!

– Я!

– Трудновоспитуемый Лемешев!

– Я! – откликнулся Макс.

– Трудновоспитуемый…

– У кого жалобы, шаг вперед! – приказал Хунта.

Никто не вышел. Дураков нет.

Младший воспитатель Скобелев (он же Скобля), холеный, самодовольный, в сером фланелевом костюме под белым халатом, повернулся к начальству:

– Товарищ Директор, перекличка закончена. В наличии двадцать шесть воспитанников. Больных нет, отсутствующих нет. Отчет сдал младший воспитатель Скобелев. Разрешите приступить к трудотерапии?

Директор милостиво кивнул. Мол, конечно, конечно. Мятое лицо, редкие волосы. Макс впервые видел его так близко.

– Работайте, негры. Масса одобряет, – почти не шевеля губами произнес Убер. Макс подавил невольный смешок. В строю захихикали.

Скобля повернулся к строю, кивнул «нянечке». Хунта заорал:

– По местам!

Дюжие «нянечки» повели колонну к месту работы. Трудновоспитуемые брали тачки и становились в очередь к земляному отвалу. Дальше в туннеле находилась огромная машина-компрессор, оставшаяся со времен метростроя, – от нее тянулись шланги к отбойным молоткам. Молотками ломали кварцевые пласты, тачками вывозили породу.

Временами машина работала, но чаще – нет. Пока механики в синих комбинезонах – наемные мазуты с Техноложки – возились с ней, в воздухе волнами перекатывался ленивый мат. Без ругани, как и без смазки, починка не шла. Пока длился ремонт, долбить породу полагалось вручную, ломами. Веселая жизнь.

Подошла очередь. Макс взялся за тачку, но фланелевый воспитатель покачал головой: не надо. Подозвал к себе – небрежно, чуть ли не пальчиком поманил. Макс сжал зубы. Ничего, мы с тобой еще встретимся…

– Трудновоспитуемый Лемешев, вас хочет видеть Директор, – сказал Скобля официально.

Макс усмехнулся.

* * *

Кабинет Директора размещался под платформой станции, в некогда роскошном, по меркам метро, служебном помещении.

Сейчас от былой роскоши остались только следы – плакат «Соблюдай технику безопасности!» на стене, синий машинист смотрит сурово; несколько обшарпанных металлических шкафов; канцелярский стол. В углу замерло кресло, продавленное посередине. Коричневый дерматин расползся, обнажив фанерное дно, – обрывки поролона выглядели, точно плоть в месте укуса.

Плоть, из которой вытекла вся кровь. Макс вспомнил о дурацкой теории групп крови и усмехнулся.

Он помешал ложечкой, но отпить пока не решился. Макс уже отвык от горячего, а тут даже металлический подстаканник ощутимо нагрелся. От коричневой поверхности поднимался пар…

– Вы угощайтесь, – предложил Директор.

– Я угощаюсь, – сказал Макс. Интересно, что происходит? Зачем? Почему… Ладно, сформулируем по-другому. Макс прищурился. Почему именно сегодня?

Директор подошел ближе. Среднего роста, с виду не очень сильный, он, однако, рискнул остаться один на один с воспитуемым. Храбрец. Макс был известен как человек, создающий трудности. Несколько драк, конфликты с другими воспитанниками, дерзость и упрямство…

Неделя карцера не помогла исправить его характер.

Зато хоть волосы немного отросли.

– Мне кажется, вы озадачены, – сказал Директор. Какой милый человек, подумал Макс с иронией. Сейчас поинтересуется, нравится ли мне чай.

– Чай не слишком горячий? – спросил Директор.

Я бы мог вырубить его, подумал Макс. Взять в заложники и выбраться отсюда.

– Что? – спохватился он.

– Я говорю: чай нравится? Не слишком горячий?

Макс запоздало отхлебнул. Не чай, конечно, – хотя он все равно толком не помнил вкус настоящего чая. Помнил Макс только одно – он должен быть сладким. Этот – был.

Офигенно, правда.

– Очень вкусно, – сказал Макс. – Вы за этим меня позвали, Директор? Чтобы узнать мое мнение о вашем чае?

Директор охотно улыбнулся. Зубы мелкие и ровные, на некотором расстоянии друг от друга. Странная манера речи – словно уговаривающая, с доверительными (с чего бы вдруг?) интонациями. Обменявшись с Директором парой фраз, Макс невольно начал гадать – откуда мы с ним знакомы?

Прием. Очередной дешевый психологический прием.

– И это тоже, – сказал Директор. – Вас ничего не удивляет? Может, у вас есть вопросы?

Макс усмехнулся.

– Ну же! – подбодрил Директор.

– Я думал, здесь одни коммунисты.

– Верно, – согласился Директор после паузы. – Раньше так и было. Мы не отказываемся от своих корней… Но мы, настоящие питерские коммунисты, не можем стоять на месте. Нам нужно развитие. Остановка развития – это смерть, а мы не можем себе такого позволить.

– Но зачем вам туннель в Москву? Это ведь бред, честное слово. Вы вроде умный человек…

Директор улыбнулся.

– Именно.

– Так, – сказал Макс, глядя на бывшего коммуниста с новым чувством. – Вы и не рассчитываете добраться до Москвы?

– Знаете, Максим Александрович… скажу вам по секрету – только между нами. Если мы завтра каким-то чудом дороемся до Москвы, то сразу же начнем новый туннель…

Макс прищурился. Интересная постановка вопроса. Перспективная.

– И куда же?

– Да куда угодно. В Нью-Йорк. На Луну – почему нет?

– Но – зачем?!

– Великая цель не может быть выполнимой. Понимаете, Максим? Иначе это уже не великая цель, а – тьфу. Временный успех.

– Тогда зачем нужна эта цель? Нам выжить хотя бы.

Директор покачал головой.

– Выживание – это непродуктивная цель, Максим. Как бы вам объяснить… Возможно, вы слышали: раньше, задолго до Катастрофы, люди отправлялись в экспедиции. Северный полюс, Южный. Если что-то случалось – а всегда что-то случается, это закон Мерфи – они возвращались обратно. А еды уже в обрез. Полярная ночь, мороз, чтобы согреться, надо хорошо кушать. И тогда начиналось самое простое и самое очевидное. Понимаете, Максим? – Директор выдержал драматическую паузу. – Когда единственная цель – выживание, главным становится вопрос: кого мы съедим следующим.

– И что делать? – Макс с интересом посмотрел на Директора. – Людей-то не изменишь…

Директор помолчал. Взял со стола блестящий стетоскоп, повертел в пальцах, снова положил. Поднял взгляд на Макса.

– Вы думаете? Возможно, люди не виноваты. Возможно, люди просто больны.

* * *

– Или плохо воспитаны. Иногда я думаю, что весь мир – сумасшедший дом, Максим Александрович.

Макс прищурился.

– И вы решили взяться за его воспитание?

– Мне пришлось, – сказал Директор скромно.

– Это тоже великая цель?

– Да, – теперь он улыбался. – Но в данном случае – вполне выполнимая. И, как бы это объяснить… не основная цель. Скажем, если бы мы объявили, что «оздоровление человечества» – и есть наша задача, все бы давно разбежались. Несмотря на строгость «нянечек». Потому что все знают: лечиться можно бесконечно.

– А туннель?

– Любой туннель рано или поздно заканчивается. И выводит на свет, как сказал один классик. – Директор улыбнулся. – В теоретическом светлом будущем, конечно…

Стук в дверь.

– Да? – сказал Директор. Дверь скрипнула, в щель просунулась мордочка секретаря. Острая, как у крысы.

– Простите, товарищ Директор, но вы просили сообщить… Мортусы приехали. Прикажете выдать им тела? Или подождать?

– Что, вы и этого без меня решить не можете?!

В ответ на начальственный гнев мордочка стала еще острее, сморщилась и исчезла.

– Видите, Максим, – Директор повернулся. – Как бывает… даже элементарные вещи приходится решать самому… Чаю попить некогда! Так о чем мы говорили?

Макс вздохнул:

– О светлом будущем. И о том, какое место в этом будущем должен занять я…

* * *

Директор внимательно посмотрел на Макса, кивнул:

– Прекрасно! Вы нужны нам, Максим. У вас явные задатки лидера.

Макс не сразу сообразил, что ответить.

– Это, видимо, чувствуется по тому, как я вожу тачку? – съязвил он наконец. – Прирожденные лидеры бегают по-особенному, я понимаю.

Директор кивнул:

– Вы ерничаете, это ваше право… Но подумайте вот о чем, Максим: откуда, по-вашему, берутся воспитатели?

Макс залпом допил остывший чай, не чувствуя вкуса. Поставил стакан на стол. «Хочешь быть одним из нас?» Намек вполне прозрачный…

– Не торопитесь, – сказал Директор. – У вас есть время подумать. Может, у вас остались вопросы?

Макс облизал пересохшие губы. Вопросы? Есть вопросы. Как мне отсюда слинять?

– Кто меня… хмм, – он помедлил. – Кто меня рекомендовал?

– Константин Болотько.

– Кто это?

Директор улыбнулся.

– Думаю, вам он больше известен как… Хунта.

* * *

Из кабинета Директора Макс вышел в задумчивости. Не то чтобы его вдруг начали радовать местные порядки… Но после разговора с Директором многое встало на свои места. Странные на первый взгляд правила складывались в единую систему, которую было бы неплохо изучить. Задумчивого Макса отловил «нянечка» и вручил тачку – видимо, чтобы он не зря переводил мысленную энергию. Макс очнулся, только когда катил тачку обратно – груженную выработанной землей. Ладони гудели.

– Что с тобой, брат? – спросил Убер. Макс коротко пересказал разговор с Директором – опустив подробности о повышении. Скинхед хмыкнул.

– Директор сумасшедшего дома, – с каким-то даже удивлением произнес он. – Да уж… не хотел бы я под такой вывеской полежать.

– А под какой бы ты хотел?

Уберфюрер почесал лоб.

– Даже не знаю. Может, «Здесь лежит свободный человек»? Или: «Он сбросил диктатора и мерзавца»! Как тебе?

– Разговорчики! – заорал один из «нянечек» издалека. Пошел к ним, сжимая в кулаке дубинку…

Убер подмигнул Максу и покатил тачку дальше.

* * *

Больше всего это напоминало китайскую лапшу, сильно разваренную, залитую красноватым соусом с привкусом рыбных консервов. Но воспитуемым было все равно, лишь бы горячее. Стук ложек – настойчивый, торопливый – слышно, наверное, даже на Московской.

Несмотря на сомнительный вкус варева, Макс съел все – но сытости не почувствовал. Даже близко не. Облизать миску, что ли? Он задумался. Да как-то не комильфо.

Другие, впрочем, были не столь щепетильны – миски вылизывались вовсю. Макс огляделся.

Мужик с поджарым лицом, словно высушенным радиоактивным излучением, в сердцах отодвинул пустую миску. Бросил ложку. Звяк!

– Порции все меньше, – сказал он. – Не, ну… – он задумался, как выразить свое возмущение.

– Ну, не звездец ли? – подсказал Убер.

Мужик недоверчиво уставился на скинхеда – издевается? Потом решил, что формулировка точная.

– Истинный звездец! Экономят, уроды, – сказал он решительно. – На нас экономят! В Москве уж точно не так.

Скинхед ослепительно улыбнулся:

– Это да, – согласился он. – И даже туннели у нас уже, чем московские! Мне один из метростроя рассказывал, что в Москве туннели шесть метров в диаметре, а у нас пять с половиной. Опять сэкономили, сволочи, – пожаловался Уберфюрер непонятно кому. – Представляешь, брат?

За столом уже откровенно ржали.

– Ты смотри, – с тоской сказал тот же поджарый мужик. – Куда податься человеку? Где найти хорошее место?

Скинхед улыбнулся. Двух передних зубов не хватало – что придавало бандитской физиономии Убера особое обаяние.

– На Зурбаган, – сказал он.

– Так это же сказка… – протянул поджарый разочарованно.

– Ну и что? Лучше хреновая сказка, чем дерьмовое здесь. Я вообще люблю сказки. Если бы в этом мире не было сказок, в нем бы давно уже ничего приличного не осталось. Вот Киплинг, уж на что был солдат и джентльмен, а сам писал сказки. Отличные. Вот коммунизм – это тоже сказка. Ну и что? Все равно он когда-нибудь наступит.

– Прям уже наступил, – сказали из толпы с сарказмом. – Одни коммунисты вокруг, а ни одного счастья лишнего.

– Это верно, – кивнул Убер. – Этого они не учли. А где лучше?

Народ вокруг зашумел, загомонил – тема «где в метро жить хорошо», никогда не надоедала. Здесь каждый мог вставить свое слово.

– Вот бы на Восстании… там, говорят, неплохо.

– На Восстании уже была война, им только тебя не хватало… придурок.

– Заткни пасть!

– Да пошел ты.

– А Кировский? – спросил кто-то. – Там как?

– Кировский завод, что ли? Знаю, – махнул рукой Уберфюрер. – Я там бывал. Еле живым выбрался. Нет там ходу нашей братии, забей, братишка. Гопота одна собралась. Ни закону, ни порядка. Как они друг друга еще не перебили, не знаю. Самый проблемный район был в Питере, еще даже когда ничего не началось…

Макс представил вереницу людей, стоящих на коленях. Выстрел, выстрел, выстрел. Бах, бах, бах! Кировцы падают один за другим. Следующий громила валится лицом вперед (хотя лица у него больше нет), на мощной шее – синяя татуировка «летучая мышь». Макс видит: рукав коричневой кожаной куртки, в руке – пистолет. Банг!

Вспышка.

Кувыркаясь, медленно летит гильза. Падает на гранитный пол, отскакивает со звоном… катится…

– Они, прикинь, нас вообще за людей не считали, – продолжал Убер. – Мы, кричат, за дружбу народов! И давай нас мочить. Какой-то вор в законе у них главный. Но я думаю, это все фуфло – насчет «в законе». Явно какой-то отморозок, только побашковитей. Вообще кировская братва, говорят, сейчас совсем страх потеряла…

– В каком смысле? – Макс поднял голову.

– На Нарвскую лезут вовсю. Как тараканы. Но там у них тоже крутой перец есть, Лётчиком зовут. Правильный мужик, я слышал… Хотя и отморозок, конечно.

* * *

– Этой ночью? – Уберфюрер почти не разжимал губ. Он остановился, сделал вид, что колесо тачки попало в выбоину.

Макс кивнул.

– А то задержались бы, – предложил Убер, выворачивая рукоятку, чтобы колесо выехало из ямы. – Я бы тут профсоюз сколотил. Или боевую ячейку.

– Сколоти гроб, – посоветовал Макс. Мотнул головой. – Вон для того придурка.

Там стоял фланелевый тип, что руководил их «воспитанием». Скобля.

Убер улыбнулся. К ним уже шел «нянечка» Хунта – судя по всему, заготовив пару ласковых. Скинхед толкнул тачку, мимикой лица показал злобному амбалу: все, все, уезжаю. Работаю в поте лица. Задницу, простите, рву.

Макс сжал, разжал ладони, разгоняя кровь. Поудобнее взялся за рукоятки тачки и покатил…

Сегодня.

* * *

Уберфюрер на ходу запел – негромко, высоким, но очень приличным голосом:

Из праха человека слепил господь.
А мне Господь дал кости и плоть,
Кости да плоть, спина, как плита,
Но мозги тупые и башка не та!

Докатил тачку до ряда тележек, аккуратно поставил и бегом вернулся в строй. Прямо идеальный заключенный. Воспитатель милостиво кивнул.

Скинхед выпрямился.

– Трудновоспитуемый Убер прибыл! – доложился он. «Нянечка» посмотрел на него налитыми кровью глазами. Хунта не доверял Уберу, особым надзирательским чутьем выделяя его как потенциального бунтовщика. Но скинхед вел себя с утра как шелковый, поэтому «нянечке» не за что было уцепиться. Хитрец.

– Перекур десять минут! – объявил воспитатель.

Трудновоспитуемые расселись вокруг железной бочки с песком. Настоящего табака ни у кого не было, даже «нянечки» курили какую-то траву, что выращивали в дальних туннелях. И ее же сбывали воспитанникам.

Уберфюрер был здесь в своей стихии. То есть трепался.

– Это раньше она Дыбенко была, – пояснил Убер белобрысому пареньку. Лицо у того было измученное. – Понимаешь, трудновоспитуемый брат мой?

– А сейчас?

– Сейчас «Веселый поселок».

– Какой-какой? – переспросили из толпы курильщиков. Над головами плыл синеватый колючий дым.

– Веселый поселок, брат. – Убер повернулся, вздохнул: – Это такая была жизнь! Песни, танцы, фейерверки, радость била ключом. Его поэтому его и назвали Веселым. Лучше места в Питере не было. Это как Диснейленд… тьфу, ты же про него ничего… как ярмарка на Сенной! Только в сто раз лучше.

Пожилой каторжник хмыкнул. Протянул Уберу дымящийся окурок. Скинхед поблагодарил кивком и затянулся. Медленно, с наслаждением выпустил дым. Передал окурок дальше.

– Ну, ты хватил, в сто, – недоверчиво протянул один из молодых. Они сидели на корточках, друг за другом, у курилки. Когда человек затягивался самокруткой, его лицо в полутьме подсвечивалось красным. Жутковатое зрелище.

Словно «молокососы» корчили рожи на спор – кто страшнее.

– Я тебе говорю! – завелся Уберфюрер. – Что, не веришь?

– Верит он, верит, – ответил вместо «молокососа» Макс. Еще не хватало, чтобы темпераментный скинхед приложил пацана об стену в процессе доказательств.

– Там такая красота была – умом тронуться можно, вот такая красота!

– А сейчас там что? – спросил «молокосос». Уберфюрер почесал затылок.

– Да фигня всякая. Грибники засели, наркоши. Растят свои грибочки да продают – не знаешь, что ли?

– А! Дурь.

– Не дурь, а грибы, мальчик. Большая разница. Галлюциногенные. Только эти какие-то хитрые, садят нервную систему в момент. Вот и ходят там работнички ихние. Отработал, получил грибочек, побалдел – опять работай. А сами торгуют и живут. Нет, брат, по мне лучше веганцы.

Максу вспомнился пронизывающий холод, что он чувствовал в присутствии «зеленых». Да уж. Убер нашел с кем сравнить…

– Много ты про веганцев знаешь, – поддел Макс скинхеда.

– Ага, – смутить Убера было невозможно. – Я много чего знаю.

Я, прикинь, брат, даже в армии служил.

– Где это?

– У них и служил. У веганцев-поганцев.

Макс даже не нашелся что сказать. Убер, алмаз подземелий, повернулся к нему очередной из своих скрытых граней.

– И как оно? – спросил «молокосос». Он оживился, глаза заблестели. Треп Убера на удивление благотворно действует на людей.

– Нормально. Мне даже понравилось. Потом я, правда, сбежал.

– А чего сбежал, если понравилось?

– Мяса захотелось. Оно мне даже снилось, представляешь? У веганцев хорошо. Перед боем пожрешь зелени вволю, потом дают сигаретку – я покурил, торкнуло так, что все метро как на ладони, до последнего уголка. Без всякого прибора ночного видения, прикинь? Глаза,

как плошки, и светятся. Все вижу. И не страшно ни фига. Единственная проблема: я как покурю, на меня жрач нападает. Просто сил нет. И только мясо – другого организм не признает.

Иду в атаку, а сам о жратве думаю. Держу автомат, а сам ищу, чего бы где натырить. И везде мне куски жареного мяса мерещатся. И запах… понимаешь? Запах везде – он меня прямо с ума сводит. Вот и сейчас – представляешь? – чувствую запах крысиного шашлыка. На ребрышках…

Внезапно Макс понял, что буквально чувствует этот запах. Казалось, воздушный поток доносил нотки пригоревшего на огне мяса.

К аромату жареного примешивался отчетливый запах горящей проводки.

Тут Макс понял, что шашлыки на сегодня отменяются. Это же…

– Пожар! – сообразил один из курильщиков. – Спасайся, кто может! ПОЖАР!

* * *

– ПОЖАР! – закричали впереди.

Народ заволновался. Трудновоспитуемые вскакивали, задирали головы, пытаясь рассмотреть, что там, в туннеле. Макс тоже попробовал. Но с его ростом это оказалось непросто. Всегда найдется кто-нибудь, кто выше тебя – даже среди… Вот оно, правильное слово. Здесь, на Звездной, их величали «трудновоспитуемыми», в остальном метро их называли проще. Макс усмехнулся. Что скрывать? Рабы.

Конечно, до веганцев местным далеко, но – все равно. Сути это не меняет.

У веганцев плети и увечья, здесь – электрошок и водные процедуры, кандалы и лишение света. Отсидев в карцере неделю, Макс не испытывал к местным особой нежности. Зато, правда, волосы чуть-чуть отросли.

– ПОЖАР! – крикнули уже рядом. Трудновоспитуемые загудели. Страшнее пожара в метро – только прорыв грунтовых вод, когда может затопить целую станцию. Или вот Разлом – чудовищный провал в земле, отделивший Достоевскую от остальной красной ветки.

Макс посмотрел на Убера, тот подмигнул. Мы думаем об одном и том же?

– Всем стоять здесь! – приказал Хунта.

При его приближении строй ощутимо прогибался. «Нянечка» остановил взгляд на невинно улыбающемся Убере, хотел что-то сказать, но вдруг впереди, в туннеле, громыхнуло. БУМ. Вспышка! Даже сюда, до воспитуемых, долетела волна горячего воздуха.

– Всем стоять! – взревел Хунта, развернулся и побежал. В сторону Московской – туда, откуда тянуло дымом и жареным мясом.

– Отлично, – сказал Убер. – О-отлично.

– Мы все умрем. Что делать? Что делать?! – Всегда найдется паникер.

Макс вздохнул. Снова непредвиденное. Случайный пожар – в план побега это не укладывалось, впрочем, как не укладывался и разговор с Директором. Круто. То ничего, то все сразу.

Народ заволновался. Воспитуемые толпой окружили Макса со скинхедом, загомонили.

– Без паники! – велел Убер. – Пускай они волнуются, – он кивнул на воспитателей, которые действительно засуетились, забегали. Из туннеля доносились крики и далекий, едва слышный, гул пламени. Красные отсветы.

– Кто это поджег? – спросил тот же «молокосос».

Уберфюрер улыбнулся. Словно был рад пожару.

– А тебе не все равно?

На середину туннеля выбежал воспитатель с металлическим рупором.

– ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТЕ! – гулко приказал он.

Уберфюрер хмыкнул. Макс посмотрел на него со значением, скинхед кивнул. Сегодня. Прямо сейчас! Они стали пробираться сквозь толпу, следуя параллельными курсами. Начина-

ется веселье. Макс шел, чувствуя, как горят щеки и нарастает стук сердца. Ладони зудели, как перед хорошей дракой…

Адреналин.

Адреналинчик.

* * *

В толпе, волнующейся, словно море в шторм, Уберфюрер и Макс сошлись в одной точке. Точкой приложения силы оказался воспитатель Скобля.

– Уважаемый, – начал Убер. – Вы когда-нибудь танцевали с дьяволом в свете бледной луны?

Глаза воспитателя расширились, он открыл рот… Макс коротко, без замаха, ударил. Хех! Скобля задохнулся. Костяшками в солнечное – тут особо не покричишь.

Макс ударил еще раз, ребром ладони по сонной артерии. Готово. Убер подхватил обмякшее тело воспитателя, мягко опустил на пол. Вокруг шумела толпа. Пока Макс прикрывал, Уберфюрер наклонился, зашуршал…

– Лови, – он передал Максу белый халат. Логично. Не скинхеду же изображать просветленную интеллектуальную личность? Хотя – почему нет? Воспитатель из Убера получился бы как минимум забавный.

Макс натянул халат. Уберфюрер выпрямился и вручил ему респиратор. Оглядел преобразившегося приятеля.

– Сойдет для сельской местности, – подвел итог. Затем вручил Максу длинный черный фонарь, тот, что был у Скобли. – Держи для полноты картины. Ладно, ты подгребай сюда профессора и мальчика. – Убер усмехнулся: – А я пока повеселюсь.

Макс кивнул. Запах гари стал сильнее, от дыма начало першить в горле.

Вдалеке кричали люди, и противным голосом выла пожарная сирена.

– Братья! – закричал Уберфюрер. Вскочил на перевернутую бочку, воздел руки. – Близок час последний! Революция стоит на пороге! Ибо, как сказал великий Эрнесто Че Гевара…

Мда. Скинхед в своей стихии. Макс побежал искать профессора с Сашиком. Лебедева нужно вытащить, без Убера с Максом он здесь долго не протянет…

В общем, пора делать ноги.

* * *

Сплоченной группой они вырвались из толпы.

Убер нес на плече лом, профессор и Сашик – лопаты. Макс в белом халате воспитателя шел во главе, лицо – надменное и деловое, прямо директор кладбища. Аккуратный респиратор довершал картину. Так что никто из охранников не заподозрил в них беглецов.

Они прошли мимо служебной платформы. Мимо пандуса.

У дальнего конца платформы на путях стояла дрезина мортусов. На прицепе лежали два упакованных в брезент тела. Макс прикинул: нормально, влезем, еще место остается. А вот и сменные плащи могильщиков. Отлично!

Уберфюрер кивком показал – смотри. Глаза его горели.

– Да, – сказал Макс. «Самое время побыть мертвым. А то убивали меня, убивали…»

– Кажется, – сказал Убер. – Мы думаем об одном и том же.

Макс кивнул. Если взять дрезину мортусов…

– О бабах, – закончил скинхед, почесал лоб. – В последнее время я в основном о них и думаю… Ну что, берем аппарат?

* * *

Мортусы, могильщики метро, обитали на двух станциях – Бухарестской и Международной, в самом низу фиолетовой ветки. Только у мортусов был доступ на все обитаемые станции – за исключением станций Империи Веган.

– Быстрее! – сказал Макс. Они с Убером надели Сашику и профессору противогазы, завернули эту парочку в брезент, положили рядом с настоящими трупами. Теперь одеться самим… Макс застегнул плащ, повернул голову.

И тут увидел.

– Убер, – сказал Макс негромко.

– Да не волнуйся, сейчас поедем… – скинхед натягивал плащ. – Блин, что ж вы такие невысокие…

– Убер!

Скинхед резко обернулся, улыбка замерла на губах. Молчание. Перед беглецами стояли мортусы. Лица их, наполовину закрытые респираторами, казались невозмутимыми.

– Оп-па, – сказал Убер. В растерянности почесал затылок. – Как-то неловко вышло. Мужики, без обид. Такое дело…

Мортус сделал шаг вперед. Макс мысленно выругался.

В руке у могильщика блеснул пистолет. Старый потертый «макаров».

Второй мортус откинул полу плаща и поднял к плечу укороченный «калаш».

– Руки, – велел мортус с пистолетом.

Макс поморщился. Ситуация стала… хмм, сложной.

Нападение на могильщиков, черт. На цивилизованных станциях за такое казнят без разговоров. И труп должен висеть в туннеле, пока не сгниет, – только тогда его снимут и отдадут мортусам для погребения.

– Никогда не видел вас, парни, с оружием, – Убер преобразился – будто «стволы» в руках могильщиков снимали всякий налет неловкости. – Что, мужики, мертвецы нынче пошли шустрые? Понимаю, понимаю. Ночь живых мертвецов или куда в деревне без нагана. Да, кстати. Будете у себя в деревне, передавайте привет Барахольщику!

Мортусы переглянулись. «Какой еще Барахольщик?» – читалось в их глазах.

Вот и все, подумал Макс. Приехали. Он крепче сжал обрезиненный металлический корпус. Фонарь длинный и тяжелый, им можно действовать как дубинкой. Раз уже ничего не остается… надо рискнуть. Ладонь взмокла.

– Это вы подожгли? – спросил Убер. Макс не понял, что тот имеет в виду. Подожгли? Зачем?!

Мортусы переглянулись.

– Ага, – сказал тот, что с калашом. – Откуда знаешь?

Тот из мортусов, что повыше ростом, поднял «макаров» стволом в потолок. Стянул респиратор с лица. Мать моя женщина, – подумал Макс. – Это же…

– Привет, босс! – сказал мортус. У него оказалась гнусная физиономия с кривым носом и бородавками на щеке. И мерзкая совершенно улыбка. – Не узнал, что ли?

Долгое мгновение… Макс выругался от облегчения.

– Хаммер! Вот ты сволочь, а? Ну вы меня купили, ребята.

Убер хмыкнул. Макс ткнул рукой в фальшивых «мортусов», затем в скинхеда.

– Убер, это свои. Свои, это Убер.

Скинхед запрокинул голову и расхохотался.

* * *

Дым стелился под потолком, заворачивался синеватыми клубами. Дрезина монотонно стучала. Видимость упала. Пожар был в соседнем туннеле, но и здесь дыма хватало.

В горле начало першить.

– Маски, – напомнил Убер. – Они должны быть в ящике под сиденьем. Живее, пацаны! Ну же!

К счастью, у мортусов кроме респираторов оказались и изолирующие противогазы. Едва беглецы успели их надеть, как дрезина въехала в особенно густой дым. Не видно ни черта.

Хаммер сидел на рычагах управления – второй «мортус», его звали Костей, молчаливый коренастый парень, возился с мотором. Убер насвистывал. В общем, отличная компания могильщиков. Макс повертел в руках фонарь Скобли, передвинул рыжачок на включение. Щелк.

Световой луч в дыму выглядел толстым, будто подземный червь.

И живым. Макс про огромного червя только слышал, но, говорят, их в метро уже много.

– Хороший фонарь, босс, – оценил Хаммер.

– Да.

– Откуда вы взяли дрезину? – полюбопытствовал Убер.

Хаммер неопределенно пожал плечами. Костян усмехнулся, но ничего не сказал. Ясно. Макс даже не стал уточнять.

Дрезина доехала до двухсотой отметки. Здесь горел фонарь, с толстых проводов свисали заросли темно-коричневой травы. Макс подумал, что поостерегся бы к ней прикасаться.

Здесь дыма уже не было, противогазы можно было снять.

Миновали блокпост. Охранник при виде дрезины приподнялся со стула и лениво помахал рукой. Зачем-то улыбнулся.

Лицо его напоминало лицо того типа, что толкнул Макса утром.

Черт.

Макс почувствовал знакомый зуд. В груди болело, словно внутри – стальная пружина. И вот ее сжимало, сжимало все это время, пока он был на Звездной – и теперь надо вовремя отпустить эту пружину, пока его, Макса, не порвало на фиг.

Макс приложил ладонь к груди и ощутил холод металла. Зуд стал сильнее.

Надо было взять у Хаммера оружие, подумал Макс.

Вскинуть пистолет и разрядить его прямо в эту улыбающуюся рожу. Два патрона. Вполне хватит, чтобы почувствовать себя лучше…

Чтобы пустота внутри стала не такой… пустой.

– Брат, – негромко позвал Убер.

– Да-да, – Макс спохватился и помахал охраннику рукой. Все в порядке, мол. Охранник с некоторым сомнением посмотрел на него. Потом еще постоял, глядя на дрезину, кивнул и повернулся спиной.

Дрезина въехала в неосвещенный туннель.

* * *

Макс помедлил. Не делай этого, сказал себе. Но в следующее мгновение уже спрыгнул – земля ударилась в пятки, шорох камней. Он с трудом удержал равновесие, выпрямился. Время, время. Быстрым шагом пошел к блокпосту.

– Босс, ты чего? – запоздало спросил Хаммер. Макс не обернулся, продолжая шагать.

Охранников было двое. Один, которого Макс до этого не видел, читал старый журнал с порнографией. При звуке шагов охранник поднял голову…

Макс сделал шаг и ударил его фонариком снизу вверх, в челюсть. Бум. Охранник рухнул вместе со стулом назад, журнал упал ему на лицо. Макс увидел на обложке девушку с огромной грудью. Второй охранник повернулся на звук. Глаза его расширились.

– Я тебе не кто-то, понял, урод?! – сказал Макс. Охранник побледнел, отшатнулся, рука потянулась к кобуре… Медленно. Слишком медленно. Разве можно быть таким рохлей? Макс ударил наотмашь – хруст. Брызги крови. Охранника развернуло. Макс перехватил фонарь двумя руками, словно топор, и обрушил его на затылок противника. Н-на!

Тот повалился – медленно, точно во сне.

Макс наклонился над телом. Охранник еще дышал. Вот урод! Макс замахнулся…

Ударил. Еще. И еще раз.

Брызги.

– Хватит! – Макса дернули за плечо. Он повернул голову, собираясь разбить башку следующему придурку… Что за торопыга снова?! Запястье Макса перехватили. Он взревел от ярости, вскочил на ноги…

Перед ним был Убер. Долгое мгновение они смотрели друг на друга.

– Пошли, – сказал скинхед негромко. – Нет времени.

Макс оглянулся. Охранник лежал в луже крови и стонал. Теперь он ничем не напоминал утреннего обидчика.

– Надо уходить, – повторил Убер.

Макс молча посмотрел на него, потом перевел взгляд на свою руку с фонариком. С длинного черного корпуса капала кровь. Стекло разбито, лампочка моргает. Макс разжал пальцы – фонарь упал на землю, закачался. Свет его, неровный, подрагивающий, упирался в черную брючину охранника. В качающемся свете было видно, как из-под тела вытекает темная жидкость.

Они с Убером добежали до дрезины, запрыгнули.

– Наконец-то! – Хаммер рванул рычаг. Под нарастающий вой двигателя и визг металла дрезина помчалась прочь от Звездной. Взлетели и рассыпались синие искры. Макс моргнул. Отсветы искр все так же мелькали, куда бы он ни посмотрел. Макс закрыл глаза. Пальцы дрожали.

Отпечатки искр мелькали даже с закрытыми веками.

– Дальше безбожники могут бродить, – зачем-то пояснил Хаммер.

– Знаю, – сказал Макс. Еще бы не знать. Банда грабителей и работорговцев, что называет себя «безбожниками», – вот причина, почему он оказался на Звездной. А мог ведь и к веганцам попасть. На самом деле: чистое везение.

И своевременная молитва богу-идиоту, видимо.

– Быстрее! – велел Макс, открыл глаза. – Да, этих… живых мертвецов… – он кивнул на брезентовые свертки. – Можно освободить. Теперь уже без разницы.

Конечно – после того, как он их выдал. Теперь дрезину придется оставить.

Костян перепрыгнул на прицеп, встал на колени, достал нож. Примерился, где резать.

– Только не ошибись свертком, – сказал Убер негромко. Костян в испуге отдернул руку, Хаммер заржал.

Скинхед ни о чем не спрашивал. Когда он передавал фляжку с водой, Макс заметил, что пальцы, обхватывающие помятый металл, без ногтей. Совсем. Просто уродливые розовые обрубки.

– Она скучает возле стойки… – запел Убер. Он прикрыл глаза, откинулся на сиденье. – В фартуке, с салфеточкой…

Макс приложил фляжку к губам, сделал глоток. Дрезина стучала. Под противный скрип металла и негромкий блюз они въезжали в вязкую глухую черноту.

– Как конфетка… что ты здесь забыла, деточка…[1] Что-то ни черта мой голос не подходит для блюзов, – сказал Убер негромко.

– Нормально, – Хаммер почесал ухо, сплюнул. – Ори дальше.

* * *

Лучи фонарей высвечивали тюбинги, заросшие бурой массой вроде губки. Местами ее было столько, что казалось, потолок дышит.

– Не люблю туннели, – Хаммер поежился. – У меня от них мурашки по спине и это… отлить все время хочется.

– Так иди и отлей, – сказал Убер насмешливо.

– Не могу… я когда нервничаю, не получается.

Через полчаса добрались до места. Крррк. Дрезина остановилась.

Хаммер спрыгнул на землю и кинулся в темноту. Через несколько мгновений там раздалось бодрое журчание, а по прошествии времени – долгого времени – довольный вздох.

– Кайф, – сказал Хаммер, возвратившись.

– Рад за тебя, – Убер хмыкнул. – А чего встали?

– Так это… приехали.

– Куда?

Костян молча поднял фонарик и осветил ржавую металлическую дверь с надписью «ВШ-300. Служебное. ВХОД ЗАПРЕЩЕН».

Вентиляционная шахта номер триста. Круглое число.

Внутри царил мрак. Хаммер принес из дрезины и зажег карбидную лампу – трепещущий желтый свет залил помещение. Оно выглядело заброшенным. Когда-то его успели разграбить: стены ободраны, инструментальные ящики вскрыты. Разруха. Трубы покрыты толстым слоем ржавчины и наростами грязи. Циферблаты с разбитыми стеклами, запыленные. В углу свалены противогазы с хоботами, похожие на кладбище червяков, которым зачем-то перерезали горло.

Вообще, после Катастрофы такие помещения через одно. Ладно, хоть крыс здесь нет. Или есть?

Хаммер разыскал под завалами хлама тайник, начал вытаскивать свертки. Одежда, снаряжение, всего понемногу. Фонари, спички, веревки. Ножи. Запасные противогазы.

Убер оглядел противогаз, наклонил голову, пытаясь прочитать при таком свете маркировку на донышке фильтра. Крякнул. Зачем-то взял фильтр и встряхнул – внутри брякнуло. Ухмыльнулся.

– Пойдем поверху? – спросил он. – Лучше бы так.

Макс покачал головой. Соваться на поверхность? Спасибо, на то есть сумасшедшие сталкеры. Психи.

– А чего тогда? – Убер почесал лоб, зевнул. – Кстати! Жрать-то как охота… Прямо хоть возвращайся к ужину.

– Хаммер, – сказал Макс. Фальшивый мортус кивнул.

– Намек понял, босс. Ща сообразим.

При виде толстых банок довоенной тушенки – белорусской, судя по наклейкам – беглецы оживились. Макс сглотнул, в животе заурчало. Красота и пир. Хаммер воткнул нож в крышку, надавил – по воздуху поплыл невероятный мясной дух.

---

[1] В повести использован фрагмент песни «Invitation To The Blues» (Tom Waits). Вольный перевод с англ. Данилы Сергеева.

Костян выдал всем алюминиевые ложки. Некоторое время в комнате ВШ слышалось только чавканье и скрежет ложек по жести.

– Расскажите мне новости, – попросил Макс, орудуя ложкой. – А то я тут совсем одичал. Что в мире нового?

Костя с Хаммером переглянулись.

– А ты не слышал, босс? – Хаммер почесал ухо. – Разогнали тут недавно секту людоедов.

– Кого?

– Людоедов. Они, короче, людей выводили из метро и там жрали.

Макс выловил кусок мяса из банки, закинул в рот, проглотил, почти не жуя. Даже руки трясутся, так нормальной еды хочется…

– Зачем? – Макс облизал ложку. Вкусно, вкусно, вкусно.

– Что зачем?

– Зачем выводили? В самом метро нельзя было жрать?

Хаммер задумался. Пожал плечами.

– Видимо, на свежем воздухе человечина вкуснее. Не знаю, босс. Да и не в том фишка. В общем, жрали они себе людей, никого не трогали, но тут один суровый мужик, настоящий «челябинец», решил, что не фиг людёв жрать. Принципиальный. Ну, сходил и разобрался с ними. Тараном его зовут, может, слышал, босс?

– Слышал, – кивнул Макс. – Крутой мужик, говорят.

– А заодно этот типа герой притащил нам туеву хучу новых проблем.

Хаммер пересказал байки, что, мол, буровая платформа дрейфовала в море, а теперь пристала к берегу и наладила связь с метро. И народ к ним попер из подземелий. И что там, говорят, еще целый остров – на поверхности.

Интересная фигня.

– Теперь надо думать, чего делать с этими, на платформе… к ним народ потянулся, все хотят жить в тепле и сытости. У нас тоже несколько человек ушли. Просто уходят. Просыпаешься, а кто-то еще исчез. Я вот что подумал, босс. Скоро мы будем жить наверху. Все.

– Ну-ну, – сказал Макс. – Посмотрим.

Новые перспективы. Платформа с технологиями, выход на поверхность… Да, надо подумать.

После настоящей, сытной еды потянуло в сон.

– Через двадцать минут выступаем, – приказал Макс. – Кто хочет отдохнуть, – он зевнул с рычанием: – о-о-отдыхайте.

* * *

Когда остальные занялись своими делами, Макс присел рядом с Хаммером. Сказал тихо:

– Там теперь кто рулит? На Нарве?

Хаммер помедлил.

– Я задал вопрос, – Макс прищурился. – Ну!

– Цвейг.

Макс не сдержался, щелкнул пальцами. Все-таки руки – это зеркало человека, смотри на руки, всегда увидишь, когда человек врет. На Макса уставились удивленные Лебедев и Костян, даже Сашик поднял голову.

Он помахал рукой – ничего, ничего, задумался просто.

– Надо было с ним разобраться, – сказал он медленно. Хаммер открыл рот. – Ладно, еще встретимся.

Челюсти Хаммера со стуком захлопнулись. Макс похлопал его по плечу – все нормально. Зато теперь понятно, кому был выгоден тот налет. Бедный Бухгалтер, попал под раздачу…

Спать. Макс закрыл глаза на одно мгновение, а в следующее его уже трясли за плечо.

– Босс, просыпайся, – над ним склонился Хаммер. – Ты уже полчаса дрыхнешь.

Макс мучительно потянулся, зевнул.

– А где Убер?

– Фашист твой, что ли? – Хаммер мотнул головой в сторону двери шлюза. – Там он. Брякнул, что хочет проверить герму.

– Герму?

Другими словами, Убер хочет проверить, можно ли выбраться наружу через ствол вентшахты. Макс покачал головой. Неугомонный тип.

Дверь скрипнула. Мелькнул луч фонарика – резкий, ослепляющий. Убер вернулся.

– Фигня. Лестница сгнила, висит на соплях. Но можно попробовать. Здесь не так высоко – метров тридцать, может, чуть больше. Короче, если упадешь, лепешка будет небольшая. Не сильно забрызгает.

Хаммер заржал.

– Значит, пойдем, как планировали, – Макс выпрямился. – Оружие вы принесли?

«Мортусы» переглянулись.

– Обижаешь, – сказал Хаммер и вдруг замялся. – Босс!

– Что?

– Такое дело… ну, ты понимаешь… у тебя вроде днюха недавно была…

Ага. Как раз когда он сидел в карцере. Отличный был день рождения наедине с собой. Макс оглядел обоих «мортусов», вздохнул:

– Давайте уже, колитесь.

– У нас для тебя подарок, босс, – сказал Костян.

– Ага, – согласился Хаммер. – Зацени, что у нас есть! Костян, давай.

Тот кивнул. Достал из тайника еще один сверток, развернул и вытащил куртку. Из коричневой потертой кожи, с манжетами. С нашивкой в виде крылышек на груди.

Вот черт, подумал Макс.

Лётная куртка обхватила плечи – привычно и тепло. Как старый надежный друг. Друг, который никогда не предаст. Макс медленно застегнул молнию, выпрямился…

Отлично.

– Хорошо смотришься, босс.

– Оружие?

Костян вручил ему пистолет – «грач» девять миллиметров с магазином на шестнадцать патронов. Хорошая штука, хотя и тяжеловат. Макс оттянул затвор, убедился, что патрон в стволе. Поставил пистолет на предохранитель и сунул за ремень сзади. Теперь все зашибись.

Молодцы стояли и улыбались, сволочи.

– Ну как, босс?

– В самый раз, – Макс кивнул. – Спасибо, пацаны.

– Ну, ничего себе, – голос скинхеда. Убер подошел к Максу – выше его почти на голову. Макс ждал продолжения.

Убер некоторое время разглядывал его, словно видел впервые.

– То есть, ты и есть – крутой перец? – наконец поинтересовался скинхед. – Я тебя подругому представлял.

Макс поднял брови. Что?

– Ты – Лётчик? – спросил Убер напрямую.

Макс помедлил. Вынул из внутреннего кармана жестяную коробку, открыл, выбрал самокрутку. Сунул ее в рот. Теперь – зажигалка. Щелк! Пшш. Макс втянул в себя теплый дым. Хорошо. Он выдохнул, протянул портсигар скинхеду – угощайся.

Тот продолжал смотреть на Макса, не мигая. Светлые глаза.

– Да, я Лётчик, – сказал Макс негромко. От первой затяжки после долгого воздержания закружилась голова. Настоящий табак-самосад. Мощный, как атомная бомба. Кайф. Такое ощущение, что внутри головы медленно распускаются два крошечных ядерных грибка. – А что?

– Знаешь, брат. Мне нравится твоя куртка, – Убер покачал головой. – Я уже лет сто в «бомберах» не ходил, но куртка отличная.

– Куртка? Причем тут куртка?

– Просто она мне нравится, – Скинхед поднял взгляд, окатив Макса холодным голубым светом. – А вот ты в ней – не очень. Что-то в тебе изменилось, брат. Я пока ни фига не понимаю, что именно… но явно не к лучшему.

Напряжение повисло в воздухе.

– Врезать ему, босс? – спросил Хаммер. Убер с интересом посмотрел на него, на пистолет в его руке и хмыкнул. В глазах скинхеда загорелся недобрый огонек.

– Надорвешься, – сказал Макс. – И вообще мы все здесь друзья. Я понятно выражаюсь? Хаммер?

Хаммер нехотя кивнул.

– Убер?

Скинхед ухмыльнулся.

– Почему нет, брат?

– Вот то-то, – Макс выпрямился. – Пора двигать отсюда.

* * *

Дрезину пришлось оставить. Любой патруль опознает в ней дрезину мортусов, а это равно смертному приговору.

Пошли пешком.

Лучи фонарей колебались, выхватывали из черноты то кусок рельсы, то ржавые скобы, то обрывки проводов, обросших мхом. Иногда Максу казалось, что он что-то видит. Нечто мелькает там, в глубине туннеля. Но это был обман зрения. Звуки шагов казались необычайно громкими…

Шорох камней под подошвами.

Кряхтение профессора Лебедева. Сосредоточенное сопение Сашика. Свистящее дыхание Хаммера.

Интересно, что только Убера Макс не слышал. Совсем. Скинхед двигался абсолютно бесшумно. Хотя был и самым рослым, и самым больным…

Макса тронули за плечо. Он вздрогнул.

– Там что-то есть, – сказал Убер негромко.

– Где?

– Впереди. Какая-то фигня, брат.

Даже если там и была какая-то фигня, Макс ее не видел и не слышал.

– Знаешь?

– Не совсем… чувствую.

Макс чуть не выругался. Чувствует он! Впрочем, береженого бог бережет… даже если этот бог – идиот.

– Хаммер, проверь.

– Эй, там! – сделал шаг вперед Хаммер, поднял пистолет. – Чего надо?

Тишина. Темнота молчала.

Макс махнул рукой – можно идти дальше… как тут случилось.

Вспышка! Грохот выстрела. Пуля взвизгнула над головами, ушла куда-то вдаль по тунелю. Искры.

Полуослепшие беглецы бросились на землю, залегли между рельсов, пытаясь стать меньше. Хаммер выстрелил в ответ – наугад.

В ушах зазвенело.

– Вырубай фонари! – приказал Макс шепотом. – Выру…

Один фонарь погас. Второй продолжал светить, пуля щелкнула рядом с ним, разбросав осколки. Макс невольно вздрогнул – ему оцарапало щеку. Выстрел. Еще одна пуля щелкнула рядом, с визгом улетела дальше. Фонарь лежал в полуметре от Макса, но протянуть руку и выключить – нет, лучше в другой раз.

Он отполз назад.

– Нас обложили! – зашептал Хаммер ему на ухо. – Суки! Суки! Я живым не дамся!

Макс поморщился, дернул плечом.

– Перестань истерить, Хаммер. Если бы нас хотели пристрелить, они бы уже это сделали.

Хаммер замолчал.

– А чего они? – сказал он с обидой в голосе. Макс даже не нашелся, что ответить. Действительно, чего они? Стреляют еще!

– Тихо, – приказал Макс шепотом. – Заткнулись.

Они лежали в полной темноте на рельсах и ждали. Тишина. Макс чувствовал сырой запах туннеля, слышал дыхание товарищей. В звенящей гулкой темноте оно казалось чудовищно громким. Больше выстрелов не было.

– Назад, – приказал он шепотом. – Отползаем. Цигель, цигель, ай лю-лю. По моей команде стреляем и уходим. Раз, два… три! Огонь!

Макс выстрелил, перекатился влево. Еще раз… Рядом выстрелил Хаммер. Все, хватит. Сейчас будем отступать…

– Эй вы, придурки! – донесся глухой голос. – Я знаю, что вы там. Сдавайтесь!

Беглецы переглянулись.

– А если мы не хотим?! – крикнул в ответ Убер.

Озадаченное молчание.

– Тогда идите на х… гмм. В смысле, шлите сюда парламентера! – там решили, наконец, сложную проблему. – Будем разговаривать… если не врете.

«Если не врете». Идиотизм какой-то.

– Отползаем, отползаем, – шепотом велел Макс. – Медленно и красиво.

В подавленном состоянии они вернулись в ВШ-300. Попадали без сил. Никто не разговаривал. Свет карбидной лампы уже не казался уютным. Он казался… затравленным, грязным и болезненным. Их прижали. Выход в сторону Московской перекрыт. Обратно на Звездную нельзя. Идти по поверхности – лестница сгнила, к тому же банально не хватит оружия. Даже Уберу нечего дать.

Сунуться же безоружным на поверхность – чистое безумие. Там и вооруженных до зубов сталкеров, бывает, съедают вместе с броней и боеприпасами…

…А патроны, наверное, так забавно хрустят на зубах латунью.

Макс быстро встал, прошелся по комнате. Замер, чувствуя себя зверем в загоне. Тоже мне, Лётчик. Тоже мне, вожак Нарвы…

Что делать? Что делать?

Что, червь сожри, мне теперь делать?!

Бог-идиот, помоги мне. Макс закрыл глаза, беззвучно позвал. Помоги мне… помоги нам… помоги мне…

– Конечно! – Убер проснулся. – Как я сразу не сообразил. Слушай, брат, тут вот какая фигня. Я видел на одной старой карте. Эх, черт, придется по памяти… Короче, тут на самом деле не два туннеля от Звезды до Московской. А на один больше…

– Чего?

Убер вскочил на ноги.

– Стопудово! На самом деле здесь есть третий туннель. Заброшенный. До катастрофы он считался тупиком, потому что там примерно до половины – разобраны рельсы. Сейчас им, думаю, мало кто пользуется, тут же в основном на дрезинах ездят. Короче, нам надо идти обратно в сторону Звездной, а потом свернуть. Где-то должна быть сбойка. Я уверен.

– Уверен он! – Макс хотел поворчать, но вдруг понял, что это вариант. Именно. Вернуться обратно. «И нарваться на погоню? Впрочем, если нас еще не догнали – возможно, погони вообще нет? Может, мы погибли при пожаре, а наши тела забрали мортусы… Хороший вариант».

Черт, вспомнил он. А фонарь-то был Скоблин. Тот, что остался на блокпосту.

Так что никаких иллюзий. Они знают, что мы живы.

Макс поднялся. Проверил, на месте ли пистолет (на месте), махнул рукой.

– Все, двигаем в другую сторону. Быстрее. Профессор, Сашик! Живо! Что, мне вас пинками гнать?! Бегом!

* * *

И все равно они не успели. Макс понял это слишком поздно.

Вспыхнул свет.

Беглецы, прикрывая глаза руками, повалились на землю. Убер негромко выругался.

– Эй, вы! Там, в туннеле! – раздался усиленный металлом голос. – Высылайте человека, будем говорить.

Макс едва не расхохотался. Нарочно не придумаешь. Стоило им шарахнуться в другую сторону – и здесь тоже предлагают вести переговоры. День дипломатии, явно.

Возвращаемся.

Снова чертова ВШ. Трехсотая, родная. Со сгнившей лестницей наверх.

– Что будем делать, босс? – Хаммер поковырял в ухе, сплюнул. Вытер пальцы о куртку. Убер насмешливо окинул его взглядом:

– Вот за что я тебя ценю, так это за непринужденность в обществе.

– Че-е?

– Может, стоит пойти им навстречу? – предложил Лебедев.

– Только что ходили… – Макс качнул головой.

Профессор откашлялся.

– Я имею в виду: в переносном смысле. Согласиться на переговоры и узнать, что они предложат.

– А, вы про это. Нечего с ними говорить, – Убер повернулся к Максу: – Брат, не стоит. Лучше я лестницу проверю.

Макс поднялся. Всегда можно найти выход. Люди – твари, нет сомнений, но даже с тварями можно поискать варианты. А вот на поверхности твари обычно малоразговорчивы…

Скинхед посмотрел на него, глаза его в полутьме мерцали. Убер медленно кивнул:

– Ладно. Я понял. Оружие оставь, брат. Эй, дайте ему что-нибудь белое!

– Вот эта фигня подойдет? – спросил Хаммер.

– Чего?

Хаммер протянул Максу белый шарф из белой текучей материи. Макс с удивлением узнал в этом собственный парадный шарф. Интересные дела. Откуда он у Хаммера?

– Шелк, – сказал Убер. – Даже не верится. Скорее всего, синтетический, хотя хрен его знает… может, и настоящий. Знаешь, друг, я бы на твоем месте завел себе костюмчик из шелка.

– Это почему? – насторожился Хаммер. Убер насмешливо оглядел «летуна», фыркнул.

– А чтоб вши не заводились. Они почему-то шелк не переносят.

Пока Хаммер переваривал сказанное, Убер повернулся к Максу:

– Ладно, брат. Извини. Ты переговори, а я попробую пока разобраться с выходом на поверхность. Запасной вариант нам бы точно не помешал.

Макс помедлил и кивнул.

* * *

– Ведите себя прилично, Убер! – профессор внезапно перешел на фальцет: – Что это вообще за собачья кличка? Как ваше человеческое имя, позвольте узнать?!

Убер посмотрел на него. На физиономии скинхеда появилось странное выражение.

– Дурак вы все-таки, профессор, хоть и умный. Ни хрена вы в людях не понимаете.

– А вы… ты… – профессор даже не сразу нашелся, что ответить: – Вы – фашист!

Пауза. Скинхед заржал. Звук гулко раскатился по туннелю. Убер тут же зажал себе рот ладонью, но остановиться не мог. Сидел и подергивался, как в припадке.

– Это вы зря, проф, – сказал Убер, вытирая слезы. – Впрочем, я сейчас не в настроении объяснять разницу между красным скином вроде меня и наци-скинами. Хотя нет, сейчас я уже усталый и сдержанный… Да. А вот до этого бывали досадные происшествия. С теми, кто называл меня «фашистом». Ну, что-нибудь еще скажете, проф?

Профессор молчал. Сашик вновь начал подвывать, глядя на Убера. Тот сплюнул и отошел.

– Интересно, как там босс? – Хаммер почесал голову, грязные волосы блестели в полутьме.

Убер вздохнул.

– Да, мне тоже интересно.

Шаги Макса давно стихли вдали. На панели управления остался лежать пистолет «грач», выложенный Максом. Холодный блеск металла.

Убер посмотрел на пистолет, зачем-то потрогал лоб и начал насвистывать…

* * *

Макс опустил белый шарф – знак перемирия. В лицо ему перестали светить фонарем – Макс зажмурился, заморгал. Глаза слезились.

Его обыскали, провели к темной фигуре. Невысокий человек шагнул навстречу, протянул руку.

– Рад вас снова видеть, Максим Александрович, – сказал человек.

Макс узнал его скорее по голосу.

– Директор?

– Что делать! – Директор засмеялся. – Виновен. Все приходится решать самому.

Резь в глазах постепенно проходила. В окружении повелителя Звездной Макс увидел несколько знакомых лиц. В основном воспитатели и охранники. И еще один тип – его даже человеком назвать можно было с трудом. Хунта. Огромный «нянечка» смотрел на Макса сверху вниз.

– Чем вы его кормите? – спросил Макс.

Хунта хмыкнул.

– Я сам ем. Разных придурков, вроде тебя.

– Ага, я так и понял. И даже знаю, с какого места начинаешь.

– Ну-ну, не надо обижать друг друга, – Директор был в хорошем настроении. – Все-таки мы старые друзья, верно?

– Не сомневаюсь, – сказал Макс.

Хунта осклабился. Вонючая бездонная пасть. Макс опять вспомнил зверя за стеклянной стеной. Смерил «нянечку» взглядом. Здоровый, как ни крути…

Зато долго будет падать. И больно ударится.

– К делу. Вам лучше сдаться, – сказал Директор. – Как думаете?

Макс очнулся.

– Зачем мне это? – он пожал плечами. – Я уже почти на свободе.

– Насколько понимаю, именно «почти» здесь ключевое слово, – Директор улыбнулся. – Вы же не всерьез думаете, что мы вас просто отпустим? Да будет свет! – он махнул рукой.

Макс повернул голову и чертыхнулся.

Он едва успел прикрыть глаза ладонью. Блин! Все равно глаза обожгло, выступили слезы. В туннеле вспыхнул прожектор. Волна света прокатилась по тюбингам, вычищая добела, делая беззащитными…

Насколько понимал Макс, у «нянечек» мог быть и пулемет. Впрочем, достаточно и пары автоматов. В туннеле беглецы будут как на ладони. Прав был Убер, надо было уходить по поверхности…

Да что уж теперь.

– Тогда зачем этот фарс с переговорами?

Директор растянул тонкие губы.

– Возможно, вы знаете что-то, чего не знаю я. Вы слишком уверены в себе, Максим. Это интригует.

Макс помолчал. Похоже, скрываться больше не имеет смысла.

– Вам о чем-нибудь говорит эта куртка, Директор?

Директор некоторое время с недоумением разглядывал Макса. Потом заметил на его груди нашивку с крылышками. Лицо его на мгновение дрогнуло.

– Это то, что я…

– Верно, Директор. Это летная куртка, – сказал Макс. – Я с Нарвской. Обычно меня называют Лётчиком.

– Это понятно, – начал было Директор, но Макс перебил:

– Вы не поняли, Директор. Лётчик – это мое имя.

Пауза.

– Значит, вы – тот самый, – глава Звездной смотрел с интересом. – Знаменитый глава «летунов». А вы легендарная личность, Максим, вы знаете? Чертовщина, я прямо не ожидал. Дайте мне минуту… я должен подумать. Впрочем, я уже решил.

– Что именно?

Теперь на лице Директора было написано сочувствие.

– Мне придется вас расстрелять, Максим. Очень жаль. Приятно было познакомиться.

– Что? – такого Макс не ожидал. – Но… почему?

– А зачем вы мне?

– Не понял.

Директор изогнул тонкие губы в улыбке.

– Если я заберу вас обратно, то получу всего лишь еще одного воспитуемого. Который, к тому же, будет всячески подрывать дисциплину. Так зачем мне такой, простите за прямоту, геморрой?

– Мда, – сказал Макс. – Незадача. И что будем делать?

Вынести бы тебе мозги, подумал он. Жаль, что я не сделал этого тогда, в кабинете…

– Думаю, есть вариант, – Директор поднял указательный палец. – Да-да, это вполне возможно.

– И какой же?

– Помочь вам.

Макс решил, что ослышался.

– Даже так?

– Это лучше всего. Убив вас, я получаю только труп. А помогая вам, вступаю в дипломатические отношения с главой целой станции.

Это меняло дело. Даже больше, чем меняло.

– На Нарве сейчас другой глава, – напомнил Макс.

– Временно, все временно, – Директор покачал головой. – Я в вас верю, господин Лётчик, – он поднял взгляд, редкие волосы упали на выпуклый лоб. – Поэтому предлагаю помощь и поддержку от имени Звездной. Я совершенно серьезен. Когда вы захватите власть…

– Кхм.

– Простите, – исправился Директор. – Когда вы восстановите на Нарвской справедливость и демократию, у вас будет на одного друга больше. И, смею надеяться, у меня тоже. Что скажете? Дать вам время подумать?

Пауза.

– Это возможно, – медленно сказал Макс. – Ваши условия?

– Это мы еще обсудим. Что до остальных, – Директор помедлил, провел пальцем по верхней губе. – Они… как бы это сказать поделикатней… Они живы?

Макс наклонил голову к плечу.

– Что?

Директора это не смутило.

– Понимаете… Только не обижайтесь, господин Лётчик. Я слышал, вы любите убивать людей.

Макс сжал зубы. Не твое собачье дело, подумал он в раздражении.

Перед глазами опять встали пленные кировцы. Приставляешь пистолет к затылку, жмешь на спуск… Банг! Банг!

Брызги крови. Медленно валящиеся тела. Катящаяся гильза.

Банг!

Макс выпрямился.

– Если они это заслужили.

– Конечно, конечно, – вокруг глаз Директора собрались морщинки. – Но вы не думали, что они могли бы понести наказание… по-другому? Мы понимаем друг друга?

Макс переступил с ноги на ногу. Потом понял: конечно, пленные кировцы…

– Вам нужны работники?

– Трупы мне не нужны точно, – Директор улыбнулся. – Трупы обычно плохо копают. Так мы договорились?

Макс поднял голову, посмотрел туда, откуда бил беспощадный свет прожектора. А в любой момент могла ударить очередь.

– Пожалуй, – сказал он. – Что-то еще?

– Всего одно маленькое условие…

Макс помолчал. Кажется, сейчас будет заключен договор с дьяволом.

– Слушаю вас, господин Директор.

* * *

– Смех без причины – признак дурач… хорошей травы, – сказал Хаммер. Засмеялся мелко и пронзительно. Из глубины ВШ ответило гулкое эхо. Макс покачал головой. Придурок. Поговаривали, что Хаммер сидит на грибах – тех самых, с Дыбенко.

– Спите? – Макс огляделся. Профессор Лебедев, Костя и смотрели на него с тревогой. Даже Сашик перестал возиться в грязи.

– Чем закончилось? – спросил профессор.

Макс невольно вздрогнул, хотя и был готов к этому вопросу.

– Все отлично, – сказал он. – Нам дают уйти.

Профессор расцвел на глазах. Поверил. Макс почувствовал тошноту. Люди верят, потому что – хотят верить. А единственный человек, который может его расколоть… кстати!

– А где Убер?

– Вашему другу стало плохо, – пояснил Лебедев. Лучевая, сообразил Макс. Новый приступ, ага.

– Отлично, – усилием воли он заставил себя улыбнуться. – Так даже лучше.

Профессор захлопал глазами.

– О… отлично? – он даже привстал. – Что это значит?

Макс не ответил. В первый момент ему показалось, что пистолета на месте нет… но он был. Прекрасно. Макс медленно поднял «грач» (пистолет казался тяжелым, как свинцовая плита). Повернулся и направил пистолет на Лебедева.

– Мне очень жаль, профессор. Поднимите руки, пожалуйста.

Профессор заморгал.

– Максим, вы шутите?

– Руки поднять, я сказал! – Макса накрыла волна ярости.

Профессора и Сашика взяли тепленькими. Впрочем, какое тут сопротивление? – Макс поморщился. Старик и калека. К сожалению, с Убером вряд ли будет все так просто.

– Зачем вы это делаете, Максим? – спросил профессор, вытирая кровь с губ.

Макс пожал плечами.

– Какая вам разница?

– Я считал вас хорошим человеком.

– Вы ошибались, – жестко сказал Макс. – Ничего-то вы в людях не понимаете. Хаммер, займись ими, будь добр.

Пленников спеленали, бросили на пол, как мешки с породой. Макс почувствовал запоздалую злость – и ненависть к себе, к Директору, к тому, что приходится делать. Вспышка. Он взял себя в руки. Держаться, проклятый ублюдок, еще не все сделано…

Макс повернул голову. На него смотрел Сашик, дурачок – в круглых бессмысленных глазах застыл испуг. Застигнутый врасплох, Макс неловко улыбнулся…

Сашик вдруг завыл. Громко и противно, как умел только он. Хаммер тут же ударил дурачка по затылку. Раз! Вой прекратился.

– Дебила тоже отдадим? – Хаммер почесал стволом «макарова» за ухом.

– А что, у тебя проснулись к нему отеческие чувства?

– Ну… нет. Не знаю. Жалко его, что ли.

Макс поднял руку. Тихо вы! Если Убер услышал вой Сашика и сообразил, что происходит, он постарается уйти.

Или нет?

«Ни хрена вы в людях не понимаете, профессор». А что понимает сам Убер?

А что понимаю я? – Макс не знал.

– Посади их там, в тени, – велел Хаммеру. Мортус показал ладонью по горлу – мол, порешим? Макс дернул щекой. Жестами показал: придурок, не вздумай. В следующий момент он услышал глухое негромкое «кха, кхха». Убер.

– Он возвращается, – понял Макс. – Хаммер, Костян… по местам!

Едва слышный звук шагов.

– А вы говорили, что он разбирается в людях… – сказал Лебедев.

Видимо, в глазах Макса что-то мелькнуло. Профессор отвернулся, замолчал.

– Убер возвращается не потому, что не понимает людей, – сказал Макс медленно. В груди болело. – Он возвращается потому, что слишком хорошо их понимает.

Макс проверил, чтобы до пистолета было легко дотянуться. Прикрыл его курткой.

– Хаммер, встань за дверью. Костян, приготовься.

Ждать пришлось недолго. Скрипнула ржавыми петлями дверь.

Убер шагнул из тамбура, выпрямился. При своем росте и крепком сложении – двигался он очень мягко и быстро. Даже изрядно отощав на коммунистических харчах, скинхед оставался опасным.

Макс шагнул ему навстречу, широко улыбнулся.

– Брат, есть дело. Забыл, какая у тебя группа крови?

Скинхед вздернул брови, но тут же сообразил, что попался. И даже успел вскинуть руку, защищаясь… Быстрая реакция, черт. В следующий момент Хаммер шагнул из-за двери и сильным ударом свалил Убера с ног.

– Лежать, сука! – заорал Хаммер.

На скинхеда наставили стволы.

– Поднимите его, – приказал Макс.

«Поплывшего» от удара скинхеда вздернули на колени.

– Тяжелый, блин, – Хаммер почесал бровь стволом пистолета. – А по виду не скажешь.

– Идите, – сказал Макс. – Этих возьмите с собой.

Пусть побудут в туннеле.

– Но, босс… – начал Хаммер.

– Валите, я сказал!

Остались один на один. Макс приставил «макаров» к бритому затылку скинхеда. Большим пальцем взвел курок. Чик!

– Не дергайся, – велел он Уберу.

Макс помедлил. Раньше он бы просто нажал на спусковой крючок… Нажимаешь, пистолет делает «банг» – и тело валится вперед. Очень просто. Почему я медлю? – подумал Макс. – Неужели становлюсь сентиментальным?

Нельзя размякать. Люди – падальщики, стая павловских собак, они сожрут тебя, если заметят, что ты дал слабину.

Нельзя быть добрым в недобром мире.

Макс посмотрел на изуродованный шрамами затылок скинхеда. Стоит спустить курок, и пуля, пройдя сквозь кости черепа, развернется в свинцовый цветок и вынесет Уберу половину лица. И никаких голубых глаз, никакой насмешливой ухмылки не останется… только кровь и мозги.

Коктейль «Кровавая Мэри» по-туннельному.

– Убер, слышишь меня?

– Да, брат, – ответил тот, не оборачиваясь.

– Я сейчас выстрелю.

– О, – произнес Убер без всякой интонации.

– Что ты на это скажешь?

Убер подумал.

– Ни в чем себе не отказывай.

«Вот упрямый сукин сын!»

Макс прищурился, положил палец на спусковой крючок.

– А если серьезно? Назови мне причину, Убер. Одну-единственную. Почему мне не убить тебя?

Пауза. Макс почувствовал, что палец на спусковом крючке стал мокрым.

Убер хмыкнул, повернул голову:

– Очень просто. Пока тебя не было, я вынул из пистолета патроны.

* * *

В жизни каждого случаются моменты, когда он хочет все бросить и заорать «да пошли вы!».

Самое время. Да пошли вы, подумал Макс. Металл под пальцами – угловатый и холодный. Пластиковая накладка рукояти больно упирается в ладонь.

«Грач» разряжен?

Спокойно, приказал себе Макс. Думай. Ты всегда умел это делать. Пистолет действительно кажется слишком легким… но вдруг это блеф? Не стоит недооценивать Убера.

Макс плавно отступил на два шага. Потом произнес:

– Если бы ты это сделал, то вряд ли бы мне сказал, верно?

Молчание.

– Догадливый, – сказал Убер. И начал поворачиваться…

Макс вскинул пистолет, целясь в бритоголовую фигуру, и нажал на спуск. Металлический щелчок… Ничего! Совсем ничего.

А должно было разнести скину упрямую голову.

«Убер понимает в людях слишком хорошо».

– Что, брат, осечка? – Убер встал на ноги.

Макс, отступая, оттянул свободной рукой затвор… Патрона в стволе не было. Черт!

– Не это потерял?

Убер раскрыл ладонь. Оттуда высыпались металлические цилиндрики, со стуком раскатились по бетонному полу. Блеск металла.

Твою ж мать.

– Сюрприз! – сказал Убер и прыгнул. В следующий момент в голове Макса вспыхнул свет, в челюсти словно разорвалась граната. Лётчика повело, комната накренилась. Свет единственного фонаря вдруг поехал в сторону и в бок. Хороший удар. «Грач» вывалился из ладони… упал куда-то вниз, под ноги…

Макс дернул головой и устоял. Его вообще было трудно вырубить – даже такому опытному бойцу, как Убер.

Он упрямо мотнул головой и принял стойку. Блокировал локтем следующий удар, еще. Тупая боль в предплечьях. И сам перешел в контратаку. Работал на коротких прямых. Раз, два, три. Раз, два. Бей! Руки у Убера длиннее, поэтому надо быть ближе. Зато Макс здоровый и выносливый. И он меньше ростом при таком же весе. Бей!

Красный туман перед глазами.

Они остановились, чтобы перевести дыхание.

– Сдавайся, Лётчик, – сказал Убер хрипло. – Слышишь?

– Пошел ты.

– Сам пошел.

Прямо как мальчишки.

– Что теперь? – спросил Макс глухо.

– Теперь мы поговорим.

– Не выйдет, – Макс попытался улыбнуться, челюсть зверски болела. – Плевать я хотел на тебя и твои разговоры. Фашист хренов. Мозги бы тебе выбить к чертовой матери!

Макс сделал шаг назад. Под ботинком оказался патрон, нога подвернулась – едва не упал.

– Попробуй, – предложил Убер. – Или тебе для этого нужен пистолет?

Они одновременно посмотрели в ту сторону, где лежал «грач».

– Что, брат, хороший вопрос? – Убер усмехнулся. Макс кивнул и ударил его ногой в колено – скинхед охнул. Нечестный прием, но эффективный.

В следующий момент Макс нырнул вниз, перекатился по полу, схватил пистолет. Раз! В пальцах уже был зажат патрон. Макс оттянул затвор – два! Вставить патрон в патронник. Черт, туго пошло… Три! Он отпустил затвор: клац! Четыре. Теперь можно стрелять. Макс мгновенно вскинул руку и прицелился в скинхеда.

– Убер, все кончено.

Тот оскалился, начал подниматься с колен… Пистолет смотрел ему прямо в широкий открытый лоб. Да, что б тебя, подумал Макс в сердцах.

– Убер, не надо. Убер?

Голубые глаза скинхеда горели.

Медленно и неумолимо, как огромный железный истукан, он встал и пошел на Макса.

– Сукин сын, я же тебя пристрелю… придурок чертов, остановись!

Бесполезно.

– Ты знаешь, с кем связался? – с интересом спросил Убер. – Ты, сука, не знаешь, с кем связался.

Макс сделал шаг назад, но – поздно.

Черт! Убер ударил его по руке, грохнул выстрел. Пуля ударила в потолок комнаты, взвизгнула, ушла в темноту. Труба воздуховода над головой загудела от попадания. От вспышки все вокруг замерцало, в ушах звон…

– Ты со скинами связался, понял?!

Пистолет вылетел. Звяк. Макс ударил правой, целя в челюсть Убера, но нарвался на жесткий блок. Руку Макса дернули вперед, он потерял равновесие…

В следующий момент Убер взял его на удушающий прием. Зараза! Макс рванулся. В глазах потемнело, мерцающий мир вокруг стремительно отдалился и начал заваливаться набок. Макс ударил по рукам Убера. Раз, другой – бесполезно. Не руки, железные канаты. Боль. Воздуха! Воздуха! Возду…

Темный провал.

В следующий момент он вдруг понял, что хватка на горле ослабла. Что за…

Воздух.

Макс судорожно вдохнул, закашлялся. И снова схватился за горло – теперь уже сам. Боль такая, словно глотаешь раскаленный металл. Чернота перед глазами пульсировала.

Почему он меня отпустил? – подумал Макс. Видеть толком он пока не мог.

Уберфюрер схватился за голову и заорал.

Спасибо богу-идиоту, подумал Макс. Очень вовремя.

В этот момент в дверь ворвались наконец проснувшиеся Хаммер с Костяном…

* * *

Убер снова закричал – хрипло, в надрыв. Схватился за голову. Вены страшно выступили на висках и на горле…

Зашелся в мучительном кашле. Урод.

Макс выпрямился. Облизнул губы. Они напоминали разбухшие от крови мешки. Лицо горело так, словно содрали кожу. Вот сукин сын, этот Убер. Всю рожу разбил.

Костян с Хаммером оглядывались, озадаченные.

Еще бы в следующем году появились. Тут их любимого Лётчика вовсю бьют, а они прохлаждаются… Макс охнул, скривился. Челюсть просто раскалывается на части, даже в затылке отдается.

– Босс, ты в порядке? – Хаммер помог ему встать прямо.

– Кхх… Да.

– А с ним что?

С Убером было плохо. Скинхед попытался встать на четвереньки, но не смог.

– Пистолет! – приказал Макс.

– А твой где? – удивился Хаммер.

– Блин, не спорь и дай мне пистолет.

Хаммер помедлил и передал ему «макаров». Прохладный. Макс приложил пистолет к челюсти – и чуть не застонал от наслаждения. Да, так лучше. Определенно лучше. Холод металла успокаивал.

Макс присел на корточки перед скинхедом. Пол-лица онемело.

– Зачем ты вернулся, Убер? Ты же знал, что будет?

Тот с трудом сфокусировал взгляд на Максе. Белки красные, бровь рассечена.

– До… догадывался.

– Ну и зачем тогда?

Молчание. Убер вдруг улыбнулся. Через силу.

– А вдруг бы я ошибся? – светлые глаза скинхеда смотрели на Макса. – Знаешь, как иногда хочется ошибиться?

Трепещущий свет карбидки, глухой гул туннелей…

– Знаю, – сказал Макс.

* * *

– Я слышал, вы там, у себя на Нарве, поклоняетесь Сталину, – сказал Убер. – Слышь, ты, кривой нос! Это правда?

Хаммер задумался, повернулся к скинхеду.

– Ну… правда. И че?

– Сталин – отстой, – сказал Убер раздельно.

Хаммер с размаху ударил его ботинком в живот – скинхед согнулся. Хаммер выхватил «грач»…

– Нет! – приказал Макс. – Он тебя провоцирует.

Убер засмеялся. С трудом сел и прислонился спиной к стене. Откинул голову. Из рассеченной брови по лицу текла кровь.

– Выглядишь, как дерьмо, – Макс присел на корточки, заглянул ему в лицо. – Зачем ты это делаешь, Убер?

– Революция.

– Что?

Убер закашлялся, сплюнул кровью.

– Я говорю: всему миру нужна революция. Возможно, это единственный выход для нас. Для всего нашего чертового подземного сука рая точка ру.

– Да-а, – протянул Макс. – Хорошо тебя по башке стукнули.

Разбитые губы скинхеда изогнулись в усмешке.

– В точку, брат. А Сталин все-таки отстой.

Хаммер зарычал.

– Не обижай чужих богов, Убер… – посоветовал Макс. – Иначе они могут обидеть тебя в ответ… Пошлют какого-нибудь ангела мщения или кто у них там есть. Чего ты все время ржешь, придурок?!

– Я вспомнил, как меня однажды назвали «ангелом». И что случилось дальше.

– Дальше? – Макс вздернул подбородок. – И что же?

Убер внезапно перестал смеяться. Мертвые голубые глаза.

– Я их всех убил.

* * *

– А ты вообще мелкий тиран, Лётчик. Классический такой, из античной истории. Я ведь знаю, что этот ваш Сталин на Нарвской – это просто-напросто божок, чтобы держать население в узде. Опиум для народа, верно, брат?

Скажи честно. Тебе ведь на фиг не нужна никакая революция, Лётчик? Ты просто готов брать прутик и сшибать те колосья, что чуть выше других.

– О чем ты?

– Была такая притча, брат. Приехал один греческий тиран в гости к другому – для обмена опытом. И спрашивает: как мне удержать власть? Чтобы меня, значит, собственные подданные не скинули. Другой тиран, что поопытней, вывел его в поле. Потом молча взял прутик и начал сшибать самые высокие колоски. Те, что возвышались над общей серой массой. Аналогия понятна?

– Еще бы. Тебе лучше?

Убер запрокинул голову и хрипло расхохотался.

– Я что-то очень смешное сказал?

– Нет. Просто представил, как ты щупаешь мне лоб, мол, нет ли температуры, поишь чаем. Вот скажи, брат. Какого черта ты со мной возишься? Это что, иудин поцелуй? Так он как-то чересчур затянулся. Нет?

Хаммер взвесил в ладонях «грач», посмотрел на Макса.

– Завалить его, босс?

– Хаммер, пошел вон, – устало сказал Макс. – Давай. Давай, иди прогуляйся. Убер, слышишь меня? Как ты?

Мучительный кашель.

– Тебе… хмм, какую версию? Матерную или простую?

Макс секунду подумал.

– Короткую.

– Фигово, брат.

* * *

Хаммер переступил с ноги на ногу.

– Чего тебе? – Макс поднял голову.

– Босс, а чего мы ждем? Отдадим их по быстрому и свалим.

Убер за его спиной хмыкнул. Хаммер резко повернулся, насуплено замолчал.

– А ты не понял, что ли? – Убер издевался. – Он время тянет. Чтобы там не думали, что он суетится. Верно, брат? Эх, носатый, ничего ты в диктаторах не понимаешь.

– Сам ты носатый, – огрызнулся Хаммер. Непроизвольным движением взялся за сломанный когда-то нос. – Босс, чего он говорит…

– Убер прав. Я тяну время.

– Э… – Хаммер даже растерялся, – а зачем?

Макс посмотрел на него, неприятно улыбнулся:

– Не твое дело. Поверь.

* * *

– Сколько времени?

Часы были только у Хаммера – крупные, с железным заржавленным браслетом.

– Пять сорок две.

– Ага, – сказал Макс. Значит, еще немного поболтаем.

Убер перевернулся на спину.

– Меня тут на свадьбу пригласили, представляешь? Так что извини, брат, но я обратно к «солнышкам» никак не могу. Не сейчас, брат. Некогда мне здесь задерживаться.

– Как ты вообще на «Звезде» оказался? – спросил Макс. – Ты же не местный.

– А они мне жизнь спасли. Точнее, не они сами, а диггеры ихние.

– Кто?

– Ну, эти… как их? Сталкеры. Все время забываю, что у вас, внизу, диггеры не по-людски называются. Короче. Меня там, на поверхности, одна зверушка так отделала, причем мимоходом, что я думал, костей не соберу. Вломила так, что мало не покажется. О, черт. Вспомнил. Я ведь с тобой на свадьбу опоздаю!

Пауза. Макс почесал затылок. Посмотрел на связанного и избитого Убера – места живого нет.

– А когда свадьба?

Убер лежа пожал плечами.

– Если бы знать, брат. Если бы знать… Про Ваську слыхать чего?

Макс поморгал. Васька… Василеостровская – это же другой конец метро? Далеко.

– Хаммер? – спросил он.

– Не знаю. Там свет, говорят, появился. Может, врут.

– Свет, – протянул Убер, лицо просветлело. – Свет – это хорошо. А про Мемова что слышно?

– Про Генерала-то? Ты где был? – Макс покачал головой. – Это даже я знаю. Убили его. На Ваське как раз и убили. Какой-то зверь с поверхности пробрался, ну и… в общем, сейчас в Альянсе другой чудила главный.

– Иван? – Убер оживился.

– Нет вроде… не помню, как зовут. Но новый точно.

– Почему люди так хотят жить? – спросил Убер в пространство. – А, брат?

Макс хмыкнул.

– А ты?

– Что я?

– Ты хочешь жить, Убер?

Скинхед ухмыльнулся.

– Я верю в бусидо.

– Что за хрень? – слово было знакомое. Кажется, он где-то его уже слышал. Но где?

– Кодекс идиотского самурая. Каждый день будь готов к смерти. Как будто ты уже умер, а твой труп трахнули и закопали. Короче. Пусть страх смерти не влияет на твои решения. И все такое. Вот ты – летчик, ты должен был это знать.

Макс поднял брови.

– Какой на фиг летчик, Убер, о чем ты? Я учился в Выборге, в вертолетном училище. Механик-ремонтник по специальности. Никакой я на фиг не пилот, веришь? А это… – Макс

показал на форму, – это хорошая вещь. У меня еще синяя форма есть. С золотом и погонами. Настоящий комплект пилота первого класса. Очень помогает с имиджем.

– Понимаю, брат, понимаю… А хорошо лежим, а?

Макс поднялся с колен, отряхнулся. Хорошо, летной куртке сносу нет, а то бы в последней драке ее точно порвали. Свет карбидки казался траурным.

– Сколько сейчас времени? – спросил он у Хаммера.

– Шесть тридцать, босс.

Макс кивнул.

– Все, хватит отдыхать. Выводим их.

* * *

Лучи фонарей осветили пути с ржавыми рельсами. Дрезина стояла тут по-прежнему – как свидетель их преступления. Интересно, где настоящие мортусы?

Сашик заартачился. Максу было это знакомо – обычные капризы, профессор бы справился без труда. Утренние процедуры.

«Подержите Сашика, пожалуйста».

– Ты, зараза, – Хаммер потер ладонь. – Дебил чертов!

Сашик вцепился ему в руку.

– Он меня укусил! – возмутился Хаммер. – Ай, зараза… пальцы… ааа! – он замахнулся и отвесил Сашику затрещину. Бум! Белобрысая голова мотнулась. Сашик завыл.

– Хаммер, перестаньте! – это профессор.

Сашик неловко вывернулся из рук Хаммера – и вдруг побежал. Неожиданно красиво. Легко. Свободно. Он бежал в глубь туннеля, руки связаны за спиной…

Хаммер бросился за ним, споткнулся. С руганью вскочил и вскинул пистолет.

– Не стреляй! – крикнул Макс, но опоздал. БАХ.

Выстрел. Тугая вспышка разорвала темноту…

В первый момент показалось, что Хаммер промахнулся. Сашик продолжал бежать. Свободный, красивый. Скоро он скроется в темноте, ищи его потом. И вдруг его траектория начала отклоняться от прямой… сильнее, сильнее… вот он уже бежит, виляя… заваливается, спотыкается… Что сейчас будет? – подумал Макс.

Сашик упал.

И остался лежать. Молчание. Макс повернулся к Хаммеру:

– Зачем?

Тот выглядел растерянным. Почесал затылок.

– Я думал, не попаду.

Профессор разом опустился на землю, словно из него вынули все кости. Очки на носу сидели криво.

– Я… – сказал он. – Я… как же так? Мальчик мой. Где же справедливость?! Где? Где?! Где, я спрашиваю?!! – страшно закричал Лебедев и вдруг разрыдался.

* * *

– Эй, кривой! – Убер встал. – Ты зачем убил Форреста Гампа?!

– Чего?

Удар головой в лицо – хруст. Оглушенный Хаммер упал на колени, кровь хлынула из носа. Закапала на бетон с небритого подбородка. Кап, кап, кап. Хаммер замотал головой, капли разлетались в стороны. Глаза бессмысленные.

Почти нокаут.

Кажется, Хаммеру снова сломали нос.

– Убер! – позвал Макс.

Убер вскинул голову. Руки связаны за спиной. Скинхед насмешливо оскалился, пошел на Макса.

Красавец, блин. Похож на огромную кошку.

Сейчас мы разберемся, кто тут хищник… Макс прыгнул вперед – быстрый, сильный, ловкий. Тело слушалось, как часы. Левой кулаком – в солнечное. Правой – хук по ребрам. На третьем ударе Убер упал.

Еще добавить… ногой!

Убера мотнуло, он застонал, перекатился по полу. Выплюнул кровь, уцелевшие зубы были окрашены красным. Скинхед сжался в пружину, подтянул ноги к груди. С усилием начал подниматься…

– Встать, солдат! – хрипло приказал он себе. – Раз, два. Мы идем по Африке… Раз, два…

– Лучше не надо, – предупредил Макс. – Убер, хватит… Да что ж такое!

– Ты знаешь, с кем связался?! Ты, сука, со скинами… Раз, два…

Макс врезал ему так, что нога занемела – несмотря на тяжелый ботинок. Бум. Что-то хрустнуло. Возможно, он сломал скину пару ребер. Тело Убера безвольно распласталось на бетонном полу.

Пауза. Макс думал, что теперь скинхед точно успокоится.

Любого другого это бы точно успокоило…

Но не этого бритоголового шута.

Тишина.

– Это всего лишь боль, – сказал Убер хрипло. Начал подниматься. Лицо белое. В следующий момент очухавшийся Хаммер пнул его ботинком в бок. Ударил еще раз. Помутнение.

Хаммер остервенело пинал бывшего узника.

– Хва… хватит, – прохрипел Макс. – Оставь его. Слышишь?! Хватит!

Вошел Костян. Невозмутимо оглядел место побоища.

– Босс, там опять этот… в белом халате. Тебя спрашивает.

Макс кивнул.

Шарф. Он намотал шарф на горло, чтобы скрыть следы пальцев. Голова болела просто чудовищно.

Что ж. Пришло время переговорить с Директором.

* * *

– Привет, Хунта, – голос как из бочки. Хриплый и скрипучий.

– Что у вас с голосом? – Директор смотрел с интересом.

– Какая разница? К делу, Директор. – Макс повернулся всем телом. Он старался не двигать шеей, больно. – Хаммер, давай!

Профессора со связанными за спиной руками поставили перед «нянечками» Звездной. Макс наблюдал, как беглеца ведут к дрезине, усаживают на корточки. Профессор выглядел бледным и подавленным, всхлипывал. Недолго он там протянет без помощи Макса. И без заботы о Сашике.

У меня полно своих дел, напомнил себе Лётчик. Легче не стало. Наоборот – какая-то фигня уперлась под горло, чуть не стошнило.

Он шагнул вперед.

– Следующим скинхед.

Макс невольно вспомнил, как поднимался Убер, как горели его глаза… Неумолимый, жестокий ангел отмщения. Он никогда не сдается.

– На вашем месте я бы ему даже лопату в руки не давал.

Директор усмехнулся: юмор, мол. Понимаю, понимаю.

– Я не шучу, – сухо сказал Макс. Директор удивленно вздернул брови.

– Вы что, серьезно?

– Абсолютно.

– Он всего лишь бандит…

– Ошибаетесь, господин Директор. Это я – всего лишь бандит.

А Убер – нечто другое. Впрочем, – Макс вдруг понял, что ему наскучил разговор с этим самоуверенным болваном. Который делает вид, что все понимает – и все равно ничего не поймет. – Теперь он – ваша проблема, не моя. Кстати… Директор? Можете ответить мне на один вопрос?

Тот поднял брови.

– Да?

– Вот вы специалист, наверное, десятки книг перечитали. – Макс помедлил. – Как начинаются революции?

Директор наморщил лоб.

– Что?

– Я вполне серьезно спрашиваю. Мне интересно.

– Гмм, ну там все классически: низы не хотят, верхи не могут. Вы про это?

Макс покачал головой.

– Не совсем. Впрочем, ерунда. Счастливо оставаться, господин Директор, – он повернулся и пошел. Все было кончено. Верно, Лётчик?! Кажется, ты уже предал всех, кого мог…

И вдруг он услышал слова, от которых ему пришлось остановиться:

– Не так быстро, дорогой господин Лётчик. Не так быстро.

* * *

– Я свое обещание выполнил, – напомнил Макс.

Директор покачал головой.

– Не все так просто, дорогой друг. Вы покалечили двух моих людей, господин Лётчик. У одного сломана челюсть, другой потерял глаз. Вам не кажется, что это стоит отдельного разговора?

– Но…

– И я даже не буду спрашивать, где находятся мортусы, – перебил Директор. – Не ваши «мортусы». Настоящие.

Макс помедлил. Вот о какой ставке пошла речь.

– С ними все в порядке. Сидят себе под замком…

– Они мертвы?

Светлые глаза Директора уставились на бывшего узника.

– Да, – сказал Макс. Нет смысла врать, когда и так все ясно.

– Вы уверены?

Макс тяжело вздохнул. «Нет, Хаммер вежливо попросил мортусов отдать одежду, оружие и дрезину».

– Куда уж больше.

– Хорошо, – сказал Директор. Макс поперхнулся. – Это очень хорошо. Дело упрощается. Значит, мне просто нужно взять и назначить виноватых. Так кого мне распять в туннеле, Максим Александрович? Есть кандидатуры?

Макс сжал зубы, от бессильной ярости скулы свело.

«Знаешь, как иногда хочется ошибиться?»

Макс выдохнул. Быстрым движением выдернул из-за пояса пистолет. Успел увидеть растерянное лицо Директора, расширившиеся глаза Хунты… Профессора, привставшего на дрезине. Хаммера, открывающего рот… Убера…

– Знаю, – сказал Макс и нажал на спуск.

Бах! Пистолет в руке дернулся. Бах! Еще раз. Медленно летящая гильза, в боку отсвечивает вспышка второго выстрела…

Хаммер начал падать.

Макс помедлил.

«Потом тиран взял прутик и начал сшибать самые высокие колоски. Аналогия понятна?»

Совершенно понятна.

– Вот ваш убийца, Директор. Мы в расчете? – голос был ровный и совершенно спокойный. Макс сам удивился.

– Это же был ваш человек? – Директор выглядел ошеломленным.

– Верно, это был мой человек. Теперь вы понимаете, насколько серьезно я настроен?

Директор помедлил и кивнул. В глазах его было уважение – и зарождающийся страх.

– Понимаю. Наш договор остается в силе, господин Лётчик. Прошу меня простить.

* * *

Хунта был доволен. На лице это никак не отразилось, зато от «нянечки» пошла мощная волна жестокой радости. Макс поморщился.

– И ты здесь? – обрадовался Убер при виде «нянечки». – Какие люди и без охраны!

Хунта молча врезал ему дубинкой под дых – н-на. Скинхед рухнул на колени, согнулся. Странные звуки. Когда Убер поднял голову, Макс увидел, что тот смеется. Скалит в окровавленной улыбке оставшиеся зубы.

Вот псих.

Хунта равнодушно кивнул и взмахнул дубинкой…

– Дайте ему сказать! – приказал Макс. «Нянечки» и санитары послушались – скорее от неожиданности. Ярость. Макс с усилием снял руку с пистолета. Спокойно, спокойно.

Убер ухмыльнулся.

– Ты так ничего и не понял, Макс? Революция – это неизбежность. В этом суть.

– Забирайте его, – велел Директор.

Хунта вместе с другим «нянечкой» вздернули скинхеда под локти, поволокли к дрезине – как мешок. Ноги Убера волочились по земле, подпрыгивали. От них оставалась полоса в серой пыли.

– Удачи, брат, – сказал Макс про себя. Но скинхед будто услышал.

– Прибереги свои тридцать сребреников! – крикнул Убер и засмеялся. – Я еще вернусь, Лётчик!

Когда его утащили, Директор посмотрел на Макса.

– Знаете, Максим. То, что он сказал… Не берите в голову. Понимаете, мы все здесь за революцию. Но у всех у нас революция разная.

* * *

Спустя две недели. Станция Нарвская.

Поспать ему не удалось. Здесь никогда не удавалось выспаться… Потому что если не сможешь заснуть, то и выспаться – дохлый номер. Все очень просто. Один плюс один равняется двум.

Лётчик открыл глаза. Некоторое время полежал, глядя в темный потолок…

Где-то вдалеке капала вода. Кап. Кап.

Лётчик встал, подошел к раковине и сплюнул – густым и желтым. От горечи свело челюсти. Макс повел головой. Спина совершенно мокрая от пота, пальцы дрожат…

Кап. Кап.

«Твою же мать».

Бессонница. Никогда не знал, что это такое, а тут – на тебе. И уже который день.

Он выглянул за дверь. Платформа станции была пуста, лишь у дальней груды мешков с песком переминался с ноги на ногу часовой. Нарва спала. Лётчик выпрямился. В этот раз подземный бог-идиот забрал его сон. И, кажется, пока не собирался возвращать. Ур-род. Рядом с дверью клевал носом Костян.

– Босс, – выпрямился телохранитель. – Случилось что?

– Все нормально.

Тоска такая, что хоть вой.

Лётчик вернулся к столу, плеснул спирта – поднял стакан, граненый, чуть треснувший, и выпил залпом. В желудке вспыхнул огонь.

И вдруг Макс понял, что именно ему послышалось в полудреме. Что это за звук. Гррр. Гррр. Кирка. Обычная рабочая кирка, которой вырубают кварцевый слой. Таких пород вокруг Звездной было до фига и больше. Сначала пласты крушили отбойными молотками, а если компрессор не работал, то обычными ломами…

На шум появился телохранитель – Костян. Зевнул. С тех пор, как Макс триумфально вернулся на Нарвскую, Костя везде был с ним. Трудно тиранам в наше время, подумал Макс саркастически. Везде им мерещатся враги…

Гррр. Крр. Макс вздрогнул, резко повернулся. На одно мгновение ему показалось, что в глубине комнаты застыла высокая фигура с бритой головой…

В комнате было пусто.

– Костян, ко мне! – приказал он. Телохранитель оказался рядом через мгновение, пистолет – в руке.

– Босс?

– Что это за звук? – Макс огляделся.

Телохранитель задрал голову, повел стволом пистолета вправо, влево. Видно было, что он пытается услышать – но пока не понимает, что именно.

– Какой звук?

– Словно киркой кто-то стучит… или скребет, или еще что, хрен знает. Ты слышал?

Костян почесал затылок. Постарался прислушаться.

– Н-нет, босс. Не слышал.

Макс оглядел преданного телохранителя с ног до головы и кивнул. Все с тобой ясно.

– Иди.

– Босс?

– Все нормально, Костя. Иди, работай.

Когда шаги телохранителя стихли, Макс налил себе еще выпить и закурил. Легкие наполнились теплом.

«Революция – это неизбежность». Убер.

Он сплюнул, сигарета горчила и воняла. Никакого удовольствия от нее. А что если Убер однажды придет за ним? Вот будет встреча.

«Прибереги свои тридцать сребреников!»

Он с силой вмял сигарету в стену. Что ж, Убер. Будь на твоем месте кто другой, я бы принял эти слова просто как слова. Но ты…

Ты никогда не сдашься.

«Так что, боюсь, мы еще встретимся».

Где-то вдалеке насмешливо молчал подземный бог-идиот.

* * *

Красный путь, штрафной тупик.

Человек с выбритой головой в шрамах полулежа бьет киркой. Иногда куски породы отваливаются. Чаще – нет. На ногах человека – кандалы.

Света здесь почти нет, единственная карбидная лампа горит неровно. Крошечный язычок пламени бьется у закопченного отражателя. Тень на стене искривляется, дергает руками.

Человек на стене вдруг замирает и начинает бормотать:

– Откуда ты такой взялся, Убер? Убер? Убер! Не был бы таким упрямым, давно оказался бы на свободе. Слышишь, Убер?

Он не отвечал. Ему надо беречь силы. Призраки подождут.

Гррр, грррры, гррррр. Кирка скребет породу – судя по звуку, он опять наткнулся на кварц. Или это железобетон? Хрен его знает.

Он никогда не сдается.

Убер закашлялся, в груди словно что-то рвалось, сплюнул – темный сгусток. Наплевать. Жить вечно все равно нельзя. Так что загнуться от лучевой болезни – не самый плохой вариант. Те ребята, что вытащили его с поверхности, вкололи ему обычную противорадиационную фигню – не пожалели, за что им спасибо. А ведь Блокадник его почти добил…

Сейчас бы красного вина. Для вывода радионуклидов, конечно. Убер усмехнулся потрескавшимися губами – больно. Лучше всего грузинского «Киндзмараули». Сто лет не пил его. А оно, блин, вкусное. Убер поднял кирку. Такое вкусное, что даже сейчас, спустя много лет, у него кружится голова от одного только воспоминания…

Он облизал губы. «Киндзмараули» бы сейчас… или воды.

И женщину. Просто, чтобы посидела рядом. Чтобы положила его больную голову на свои мягкие колени…

Чтобы он дремал, чувствуя затылком ее тепло.

И больше ничего не надо в целом свете.

– Она скучает возле стойки, – запел он негромко. Голоса почти нет, одно хрипение и клекот. Но для блюза самое то. – В фартуке, с салфеточкой…

Наконец-то у него настоящий блюзовый вокал. И все из-за этих уродов.

– Придет мой друг Иван! – закричал он вдруг. – И всех вас на хрен поубивает, сукины дети!

Убер проснулся. Вокруг была темень, лампа почти погасла. Он подтянул к себе кирку, с трудом поднял…

– Как конфетка. Что ты здесь забыла, деточка?

Кирка ударяет в камень. Звяканье кандалов.

– Свежа на удивление… – еще удар. – От туфелек до бу-ус…

Он перевел дыхание.

– Как приглашение, – он закашлялся, сплюнул, – на о-очень странный блюз…

Андрей Гребенщиков. Легион последней надежды

Не хватает людям чудес.
В дефиците бог виноват.
Поклонись ему, помолись —
Выторгуешь вдруг благодать.
Искупленье – странный процесс,
Если ты не поп, а солдат,
Ведь свою короткую жизнь
Лишь однажды можно отдать.

Даже будь полшанса из ста,
Небеса пропасть не дадут.
Бесполезны пряник и плеть,
Вся надежда лишь на «авось».
И задача вроде проста —
На решенье тридцать минут:
Как бы так тебе умереть,
Чтоб другим пожить удалось?[2]

Палец продолжал давить на спусковой крючок, но вместо грохота выстрела донесся лишь мертвый стук бойка. Клац! Автомат выплюнул последний патрон и замолчал. Человек в исступлении посмотрел на предавшее его оружие. Зловещее рычание, такое близкое и неотступное, заставило его отвести взгляд от беспомощного АКМа. Голодные звери, почти уже загнавшие свою одинокую жертву… Жажда крови, предвкушение близкого пиршества в каждом рычании.

Кто прежде был властителем мира, ныне стал звеном в пищевой цепочке новых его хозяев.

Человек попятился. Трясущимися руками перехватил автомат за ствол, взяв его на манер дубины. Угрожающе прочертил дугу перед собой:

– В очередь, твари!

Однако голос дрогнул, и вместо грозного боевого клича из горла вырвался только сиплый шепот.

Слаборазличимые во тьме бестии не спешили, словно впитывая страх, источаемый жертвой, наслаждаясь ощущением близкой смерти, охватившей двуногого. Образовав полукруг, они медленно наступали с трех сторон. Человек затравленно обернулся, пытаясь понять, куда загоняют его ночные охотники. За спиной пустырь, лишь вдалеке силуэты пятиэтажек… не успеть, не добежать. Еще один короткий взгляд назад. С левой стороны, метрах в ста, обнаружилось здание совершенно удивительной формы – широкий, приземистый фасад, увенчанный по бокам округлыми башенками, а по центру из мощного основания вырастает высокая стреловидная надстройка, рвущаяся к небу. Что-то смутно знакомое… но липкий ужас застлал глаза, а сознание, вопящее лишь об избавлении от кошмара, не дало зыбкому, неуловимому воспоминанию ни единого шанса. Автомат выскользнул из ослабевших рук, и крик отчаяния, наконец, вырвался на свободу. Оставляя преследователей за спиной, человек бросился бежать, не видя ничего перед собой, позволив безумию захлестнуть себя с головой.

[2] Стихотворение Майка Зиновкина.

Одинокий сталкер бежал так, как не бегал еще никогда, ведь от этого спринта зависела жизнь. Может быть, и никчемная, но когда смерть наступает на пятки, во всей Вселенной не остается ничего более важного.

Человек бежал, и его жажде жизни не были препятствием ни тяжелая химза, в иное время сковывающая движения, ни накопившаяся за длительную вылазку усталость, ни плотный, облегающий лицо противогаз, мешающий дышать. Беглец остался наедине с инстинктами, и все вокруг исчезло – даже голодные хищники, жаждущие окропить стылую землю горячей людской кровью. Было лишь странное сооружение впереди, одним своим видом внушающее уверенность в спасении… Это была даже не мысль, а чистое знание, проникшее сквозь непробиваемую завесу страха.

Когда человек на полном ходу заскочил в настежь распахнутые двери и без сил повалился на пол, он уже не слышал, как взвыли твари, оставшиеся с той стороны. Злые, исполненные ненависти и бессилия голоса. Порождения ночи упустили свою законную добычу – под своды старой, давно заброшенной церкви им хода не было.

Потерявший сознание сталкер нашел убежище, но долгожданного покоя так и не обрел. Ему снились странные, казавшиеся реальностью сны, чужие воспоминания превращались в собственные, а видения прошлого вплелись в разорванную ткань настоящего…

* * *

Крик и удар, еще удар. В глазах – кровавая пелена. Вместо звуков – гул и эхо далеких проклятий. На губах кровь – соленая, терпкая…

Пытаюсь разомкнуть веки, по ощущениям – ржавые железные ставни. Надсадный скрип, намек на подергивание и обессиленное отступление…

Мыслей нет… Только тупая пульсация вен под тонкой кожей висков. И единственное, неотступное желание, тщетная цель – разъять оковы темноты и видеть…

Навязчивые и истеричные голоса с силой пробиваются в кокон, по ошибке именуемый черепной коробкой. Того существа – гусеницы – никогда не было, а бабочка – никогда не родится.

Барабанная перепонка под огромным давлением монотонно выстукивает: «Ты – тварь, ты всех нас убил! Ты – тварь, ты всех…»

Внешний мир скребется, стучит, царапает, и я не могу укрыться: вспышки боли, повсюду, без передышки, без остановки, без конца.

Забыться, уйти, закрыться и не возвращаться!

Бескрайнее море… мне хорошо, сливаюсь с теплыми, ласковыми волнами, яркий луч негасимого солнца призывает к себе, а осторожный, деликатный ветер укутывает незримым одеялом… Плыть… по воле воды, воздуха и света. Мне хорошо…

– Хватит! Вы мне урода так прикончите!

Властный голос, сильный, давно привычный к резким, однозначным командам… Но зачем ты здесь, уходи, оставь… Море негодует и покрывается пенной рябью, некрасиво прорезающей зеркальную гладь… Уходи!

Ледяной вал – обжигающий, безжалостный – накатывает и, вцепляясь острыми когтями, рвет кожу, кровавыми кусками вырывая мясо. Я кричу, захлебываясь и задыхаясь. Уходи!!!

Моря больше нет. Только сошедшее с ума солнце, бешеным маятником раскачивающееся на черном, покрытом трещинами небе.

– Очнись, скотина! – хлесткая звонкая пощечина наотмашь.

– Командир, окатить его еще водой?

– Достаточно, давай нашатырь и доктора. Быстро!

Я раскрываю каменные, неподъемные веки – глаза слезятся от нестерпимо яркого света. Одинокая лампочка бабочкой порхает под далеким потолком. Чья-то протянутая рука прерывает бессмысленный полет – лампа застывает на месте, перестав выжигать сетчатку. Наконец взгляд фокусируется.

Крошечная комнатушка с бесстыдно обнаженными каменными стенами, лишенными обоев и штукатурки. Из мебели – стул, застывший посреди пустоты. Чье-то незримое присутствие разлито в дрожащем воздухе. Здесь гнев, ненависть и лютая, испепеляющая злоба… Выйди, покажись!

Я лежу на полу – сыром, залитом холодной, высасывающей тепло водой. Тела почти не чувствую – значит, нет и боли, только озноб… Где-то в миллиардах километрах отсюда, далеко-далеко, морозно пощипывает в пальцах рук, а ноги отбивают судорожную, мелкую чечетку… Меня нет здесь, только тело – чужое и истерзанное, скорчившееся на грязном полу. Зачем ты тянешь в эту грязь, зачем вцепляешься? Отпусти!

Услужливая память прерывает молчание и неистовой морзянкой разрушает тишину – факт за фактом, воспоминание за воспоминанием. Я нужен здесь… и чужое тело становится собственным, а страшная боль рвет на куски – отчаянный крик вырывается из груди и испуганной ослепшей птицей бьется о равнодушные стены тюрьмы.

– Ты знаешь, как все будет? – этому человеку с маленьким, крысиным личиком совершенно не идет белый врачебный халат. Он больше походит на проворовавшегося проныру-бухгалтера…

Ухоженные черные усики над узкими, капризными губами противно шевелятся при каждом слове, усиливая сходство с грызуном. Он заглядывает мне в глаза, пристально, надменно смотрит, некрасиво щуря редкие белесые брови. Хочешь меня запугать? Я не боюсь стерильных лабораторных мышек…

Невольно улыбаюсь. У меня «красноречивая» мимика: лицевые мышцы повреждены во многих местах, отчего любое выражение превращается в презрительную ухмылку. Как нельзя кстати. Взбешенный эскулап дышит мне в лицо едким папиросным перегаром и, разбрызгивая ядовитую слюну, пришептывает:

– Если повезет, то сразу отказывает сердце – ррраз и все, отмучался. Но такое случается редко, не всякий вытягивает счастливый билет… Чаще выходит из строя печень, за ней – почки, потом отключаются зрение и слух, и ты дохнешь в кромешной тьме и тишине. Наедине с болью. Парализованный организм бессильно гоняет по синапсам и нервным окончаниям крики о помощи, но блокираторы боли безучастны, потому что уже давно отмерли с частью мозга. Нельзя потерять сознание, оно и так мертво. Жива лишь боль – страшная, ничем не ограниченная…

– Доктор, к чему все это? – первые слова даются мне с трудом, в горле пересохло, а израненные губы отказываются повиноваться. – Не стоит тратить на меня свое драгоценное время. Я видел, как умирали наши старики, как мучались дети. Моя станция вымирает, а… – Пытаюсь встать, однако слабость и две пары чужих рук удерживают меня на месте.

Они приставили ко мне – дышащему с огромным напряжением, избитому до полусмерти, почти бессознательному пленнику – несколько здоровых охранников. Добрый знак – значит, боятся…

– Ты сдохнешь, как туннельный пес, скуля и подвывая…

Обидно, что Площадь не фашистская станция: я живо представляю крысу-доктора в эсэсовском кителе, черной нацистской фуражке и с моноклем в дергающемся от нервного тика глазу… Откидываюсь на скрипучем стуле и заливаюсь легким, беззаботным смехом… По крайней мере, мне хочется, чтобы мой смех звучал легко и беззаботно.

Доктор замахивается крошечным дамским кулачком и, подавшись тщедушным тельцем вперед, метит мне в лицо. Легко уклоняюсь от неумелой атаки и ловлю злобного неуклюжего врача на выставленное колено. Он задыхается на полукрике и, согнувшись пополам, безмолвно сползает на землю. Жаль, что сейчас охранники вырубят меня, и я не увижу, как «грызун» врежется кривыми передними «клыками» в негостеприимный пол…

Меня действительно бьют, но недолго и, на удивление, без особого рвения. Видимо, доктор не пользуется популярностью и среди своих…

Закончив физические упражнения с моим телом, охрана немедленно переключается на затихшего без сознания врача. Амбалы легко, но без лишней нежности, подхватывают его крысиную тушку и несут в неизвестном направлении. Будем надеяться на помойку, к сородичам…

Жаль, моим мечтам о покое и одиночестве сбыться не суждено – ощущаю чье-то незримое присутствие. А еще опасность, которой пропитан затхлый воздух тюремной камеры. Здесь серьезный противник. Страшный. Безжалостный.

– Ну, здравствуй, Павел Александрович, – слышится хриплый голос. Новый «собеседник» не спеша выходит из темноты и смотрит на меня в упор. На вид ему под шестьдесят – шестьдесят крепких мужицких лет. Собранный, поджарый, выбритый до блеска… И седой, как лунь…

Я знаю его. Конечно, не в лицо. Для любого динамовца встреча с Додоном чаще всего означает неминуемую смерть. Главный вояка могучих вооруженных сил нашего извечного противника, командующий, второе лицо на Площади после коменданта… Душегуб и безжалостный убийца. Мой коллега.

– И вам не хворать, Алексей Владимирович. – Я почти вдвое младше его, хотя моя голова тоже отмечена проседью.

Додон приближается. Его красные воспаленные глаза буравят меня, голодными псами прогрызаясь внутрь мозга:

– Что же ты, сука, творишь?! – Одними губами, почти беззвучно. – Что ты творишь?!

Ему очень хочется ударить – в полную смертельную силу – и бить, не останавливаясь, до изнеможения в сбитых кулаках, до судорог в уставших ногах, до кровавой пены – его и моей… Я понимаю его, отлично понимаю, единственное, чего не могу объяснить – как он сдерживается… Окажись он в моих руках, я убил бы его – сразу, без разговоров и без пыток – быстрой, милосердной пулей в лоб разнес бы поганые мозги по стенке.

– Есть одна страшная военная тайна… Знаешь, сколько людей живет здесь, на Площади? Знаешь, сколько среди них детей? Конечно, нет, мы умеем хранить секреты… Но когда ты будешь подыхать, когда до Страшного Суда останется один выдох, я шепну на ухо, скольких ты сгубил… И перед НИМ ты не оправдаешься ни войной, ни местью, ни ненавистью к врагу.

Напитанные ядом слова проникают в сознание, отравляя его. Мне есть что сказать, но силы покидают, оставляя лишь забытье…

– Казнь ваша назначена на утро. Ты и твои люди – все будете повешены. Слишком гуманная смерть на мой вкус – ее такие уроды явно не заслуживают… Досадно, что комендант настолько снисходителен и милосерден к недругам станции. Но я могу восстановить справедливость и превратить оставшиеся вам часы в ад. Завтра ты сам полезешь в петлю, причем с радостью.

Додон больше не обращается ко мне. Окликнув одного из вернувшихся охранников, он дает подробные наставления: «только совсем не зашиби», «особо следов не оставляй, мы человеколюбивая станция», «без членовредительства, но и без сантиментов», «позови доктора, пусть гада в сознании держит»…

На «человеколюбивой» Площади 1905 года оказываются очень искусные и исполнительные экзекуторы. И время оборачивается бесконечностью.

* * *

– Как он?

– Хреново. Но я старался, Алексей Владимирович, как вы и приказывали…

– Хорошо, иди отдыхай. Вижу, что поработал на славу.

Голос совсем рядом, сквозь презрение и насмешку слышится издевательская «забота»:

– Плохо выглядишь, Паша Александрович. Как тебя свои кличут, Гераклом? По мне, так груда мяса в глубоком нокдауне. Или нокауте? Погоди в нокаут, не торопись, нам ведь еще потрудиться надобно…

В плечо входит длинная блестящая игла. Сквозь туман, обволакивающий сознание, доносится противный смешок.

– Геракл боится уколов?

Огонь растекается по венам, вытягивая из мышц боль, возвращая меня из безвременья и забытья.

Додон, теперь я вижу его, доволен:

– Действует укольчик-то! Ну-ка, мотни головой, если слышишь меня.

Пытаюсь послать его в самые дальние дали, но язык не слушается, а из горла вырывается один лишь хрип.

– Садись, гость нежданный, – старый солдафон сгребает мое недвижимое тело в охапку и грубо кидает на стул. – Хватит на полу валяться, некультурно это. Н-да, ночь накануне казни всегда бессонная, – Додон усмехается, разглядывая меня сверху вниз. – Не поверишь, но я тоже не сомкнул глаз. Антошке – внуку – резко стало хуже… как и еще почти двум десяткам ребятишек. Комендант больше не миндальничает, повешение заменено на сожжение. Как говорится, прогресс гуманитарного мышления налицо. Впрочем, огня можешь не бояться: ни одна охрана в мире вас до лобного места не доставит – почти все население станции уже дежурит возле камер. Народ требует выдать преступников. Как думаешь, что лучше – не спеша и с комфортом поджариться на очищающем пламени, либо быть разорванным на мелкие кусочки беснующейся толпой?

Додон очень и очень медленно отводит руку назад, словно лучник, натягивающий тугую тетиву, с хрустом сжимает пальцы в кулак и широко улыбается. Через мгновение мощный удар впечатывает меня в стену. А я думал, что разучился чувствовать боль… Мир содрогается, но не исчезает.

– Я учусь контролировать ярость, – скалится мучитель, – потому и врезал с левой. Она у меня слабенькая, сказываются старые раны. Вот правая – ей бы убил, сразу же и наповал. Цени доброту и не верь тем, кто распространяет про Додона грязные слухи, мол, садист и палач…

Я с трудом сплевываю кровь:

– Давай уже свою казнь. Площадное словоблудие хуже смерти.

– Храбришься? Это правильно, наделать в штаны перед смертью даже поганому динамовцу зазорно, – мой собеседник жадно затягивается самокруткой. – Однако в делах летальных спешка ни к чему…

Внезапно спокойный и насмешливый тон резко меняется, в глазах врага появляются опасные огоньки, а голос становится тихим и вкрадчивым.

– Вы решили припереть нас к стенке? Считай, что приперли. Комендант и прочие гражданские прихвостни в панике, наши всезнайки-ученые – в растерянности. Инфекция, которую вы занесли, распространяется, а врачи только разводят руками…

– Ты врешь, старый хрыч! – я больше не могу сдерживаться, забыв о боли и слабости кричу во все горло. – Ненавижу треклятую Площадь, но смерти детей ваших мне не надо! На Динамо я теперь первый человек: все остальные ушли на поиски лекарства и ни один не

вернулся. Я правомочен сдать станцию, капитулировать… И сделаю это в обмен на вакцину. Ты получишь ключи от Динамо, только спаси – и своих, и наших!!!

Старик выдыхает дым мне в лицо. Молчит несколько долгих секунд, наконец отчетливо, чеканя каждое слово, произносит:

– Засунь свою станцию вместе с ключами подальше. Нет у нас никакой вакцины. И никогда не было.

– Это ложь!

– Нет. Это приговор обеим станциям. Случай обрек на смерть Динамо, а ты намеренно обрек на смерть нас. Вот такой расклад. В эти минуты собирается большая экспедиция…

– Не поможет никакая экспедиция, наши весь город носом изрыли!

– Я знаю. Именно поэтому сижу сейчас не на экстренном совете станции, а с недобитым выродком! Один чересчур добрый человек… не я, наш священник – хочет сделать тебе и твоим людям предложение, от которого трудно отказаться…

* * *

Я не думал и не даже мечтал о том, чтобы еще раз увидеть поверхность. На Площадь мы шли за смертью – несли ее врагам и готовились умереть сами. Жизнь в очередной раз сумела удивить…

Справа и слева от меня – тяжеловооруженные площадники, с ног до головы закованные в броню. Мы же, их пленники, довольствуемся весьма условными респираторами и самыми примитивными костюмами радзащиты. Это и неважно – толстая броня или истертая временем прорезиненная ткань: дорога всем предстоит в один конец.

Мне легко, и дело не в лошадиных дозах обезболивающего, что вкачали в измученных динамовцев перед спешным, больше похожим на побег подъемом на поверхность. Лицо, прикрытое уродливым намордником дыхательной маски лишь наполовину, ощущает небольшое, едва заметное движение воздуха. Ветер. Забытое под землей слово. «Ве-тер». Глаза, лоб, волосы – все обнажено и наслаждается запретным потоком зараженного, смертоносного кислорода. Счетчик Гейгера, давно сойдя с ума, умолкает – наверное, от отчаяния и бессилия, а может быть, его выключил я. Не знаю, не помню… Не хочу в отведенные столь скудные минуты слушать захлебывающийся визгом прибор. Поздно бояться радиации – она ничего не успеет нам сделать.

Серое, темное небо, я помню тебя разным – голубым, залитым солнечным светом и иссиня-черным, подсвеченным «изнутри» луной и мерцающими точечками звездочек. Помню белые облака невозможных форм и мрачные тучи, предвещающие приход слякотной осени и ее жестокой, но столь красивой подружки-зимы… Всего этого больше нет, лишь непрозрачная, вечная мгла на горизонте и неизбывная тяжесть над головой. Я никогда не полюблю новый мир – память о навсегда исчезнувшем рае не позволит… Уходить, покидать эту землю, пропитанную страданиями и неисчислимыми печалями, не страшно. Но у детишек, рожденных без неба, иного настоящего и будущего нет – наше поколение лишило их солнца, взамен одарив лишь вечным стенами со всех сторон. Мы – виноваты. Я – виноват. Потому без колебаний отдам свою безнадежную жизнь, лишь бы продлить вашу, сделать ее чуть легче и светлей. Умирать за других… страху не испоганить это чувство.

Из задумчивости выводит осторожный оклик.

– Командир! Неужели они, – выживший рядовой из моего отряда кивает в сторону площадников, – не дадут нам никакого оружия?

Пожимаю плечами:

– Мы можем драться и голыми руками.

Динамовцы одобрительно и с пониманием смеются:

– Два динамовца с лопатой заменяют эскалатор! – пусть шутка старая и нещадно перевирается каждой станцией на свой лад, но приговоренным смертникам достаточно и ее.

– Всегда мечтал схлестнуться с мутами врукопашную. Говорят, головы им нужно сворачивать строго по часовой стрелке, чтобы ненароком не сорвать резьбу…

Наши конвоиры с недоумением смотрят на заливающихся хохотом обреченных, перепачканных собственной кровью пленников. Когда становится невмоготу, самый страшный на Земле хищник начинает смеяться… Бывший самый страшный.

Один из «панцирников» приближается ко мне:

– Веселишься, Динамо?

Его голос, усиленный и одновременно искаженный динамиком переговорного устройства, узнать невозможно, но я уверен – передо мной Додон. Зачем он пошел с нами? Пытаюсь понять этого странного и ненавистного человека… И, наверное, понимаю: ведь он солдат, как и все мы…

– Так точно, Площадь. А ваши уже разучивают похоронные марши?

– А как же, кому-то ведь придется маршировать по вашим могилкам!

– Как бы на одной братской могиле нам всем мутанты джигу не сплясали…

Одновременно с Додоном оборачиваюсь и вижу того священника, что отсрочил нашу казнь. Его хмурое лицо – не прикрытое и не защищенное абсолютно ничем! – отражает крайнюю степень душевной концентрации.

– Сейчас не время устраивать раздоры. Дело у всех одно. – Церковник выразительно смотрит на Додона. – Алексей Владимирович, раздай динамовцам оружие.

Теперь его взгляд прожигает меня:

– Павел Александрович, в спину Площади стрелять не будешь?

Мотаю головой. В горле застревает гордое: «Динамо подлостями не занимается». После того, как я специально заразил чужую станцию… Хриплю:

– Не буду.

– Ты в Бога веруешь? – улыбка не исчезает с лица священника, но пристальные, слегка прищуренные глаза смотрят серьезно.

– Вот бы знать… – я лихорадочно вспоминаю, как принято обращаться к попам. Наугад осторожно добавляю – …святой отец…

– Зачем же так помпезно? – заливается смехом церковник. – Вполне достаточно «батюшки» или «отца Михаила». К чему нам такие важности?

– Слишком много горя и несправедливости, батюшка, мне пришлось на своем веку повидать…

Он с готовностью кивает:

– Понимаю. А сюда почему согласился идти?

– Здесь хотя бы умереть можно по-человечески, как солдату положено.

Отец Михаил хмурится и в задумчивости чешет переносицу.

– Трудно жить без веры, а помирать – и подавно. Если же сомневаться в том, ради чего собираешься сложить голову… Не завидую я тебе, Павел Александрович!

– Батюшка, я верил в очень многое. Когда дети заболели – во врачей Динамо, а потом – в докторов со всей дружественной ветки метро. Когда все по очереди развели руками – поверил в лидеров станции, в наших героев, сталкеров и ученых, что ушли на поиски древних лекарств. Три экспедиции при полном вооружении… лучшие люди Динамо… Когда никто не вернулся, осталось верить лишь в одно – в подлость вражеской Площади, скрывшей в своих богатых закромах спасительную вакцину. Так что вера у меня не просто была – я был преисполнен ею, полон до краев. Только вот вышла вся моя вера, до последней капли. Осталось только немного глупой, совсем слепой надежды… Не могу поверить в силу церковных ритуалов и церемоний,

уж извините, батюшка. Хочу, но не могу. А надеяться буду – до последнего вздоха. Так уж устроен…

– Никто не верит… Ты бежал со своей станции от бессилия, Додон – от страха увидеть, как однажды не откроются глаза его любимого внука, – в голосе отца Михаил звенит металл. – Вместо веры – отчаяние, вместо любви – боль. А ведь всем нам нужно только чудо. Вам, солдатам, – продержаться в кромешном аду неимоверное количество времени, мне, священнику, – достучаться до Небес… Мы – маяк в ночи, мы должны пылать, не жалея себя, гореть и истлевать в священном пламени. Мы – сигнал «SOS!», радиоволна, молитва, крик о помощи – верь во что хочешь, но только верь. И жди ответа с Той стороны. Иначе… Ты знаешь, что будет иначе. Мы – легион последней надежды, искорка веры в бездонном аду.

Священник с вражеской Площади жестом подзывает двоих служек, и те немедленно принимаются стаскивать с него защитный костюм.

– Ты причинил нам великое зло, – кажется, он не обращает никакого внимания на суетящихся вокруг людей. – Пытаясь в диком отчаянии спасти свою станцию, ты подверг смертельной опасности нашу и помножил горе надвое. Страшный грех на твоей душе, а руки по локоть в крови…

Сняв прорезиненный «защитник», служки извлекают из невзрачного тюка золоченую мантию, отливающую каким-то неестественным для мертвого мира светом, и теперь прилаживают к высокой и мощной фигуре отца Михаила.

– Так искупи грех свой, воин… Сейчас самое время. Оберни бескрайнюю злобу во всеобщее благо – нашим маленьким подземным миркам, забытым всеми, кроме Бога, нужно Чудо. Когда ОН на твоей стороне, творить добро легко и совсем не страшно. Продержитесь полчаса, не дрогните, не дайте нечисти ни малейшего шанса.

Во «всеоружии» – облаченный в величественные одежды, сжимая в одной руке массивный крест с распятой фигурой древнего бога, а в другой – кадило, священник выглядит грозно. Воин Света в царстве вечной Тьмы.

– Обещаю, батюшка, – голос мой дрожит. – Мы не отступим.

– Да будет так! – размашистым, уверенным движением перекрестив все наше немногочисленное воинство, он резко разворачивается и идет к Храму. Гулко стучит тяжелая деревянная дверь, и служитель церкви вместе со «свитой» навсегда скрывается под сенью священного здания.

– Сдержи свое слово, Динамо, – слышится из-за спины.

Додон больше не прячется за шлемом – подставив лицо свежему, бодрящему ветру, он блаженно улыбается.

– Эх, сейчас бы еще дождик пошел, как раньше! Мне он постоянно снится – сильный, хлесткий… живой.

Я не обращаю внимания на столь странный для прожженного вояки лиризм, только жестом указываю на снятый шлем:

– Ты тоже не рассчитываешь вернуться?

Мой враг садится прямо на холодную землю, скрестив ноги по-турецки и приглашая следовать его примеру:

– А я ж теперь, считай, дезертир – добровольцев собрал, арсенал вскрыл, пленных увел. Подсудное дело, может, даже расстрельное… Предателем для своих стал – куда теперь возвращаться? Приходится всем рисковать, лишь бы… впрочем, тебя это не касается. В любом случае, напрасными надеждами не тешь ни себя, ни людей. С первым же набатом сюда такая орда хлынет…

Смотри, на той стороне дороги находится торговый центр «Мытный двор», напротив – Дом контор, а по диагонали – «Рубин». Все целехонькое стоит, совершенно не тронутое человеком с самого начала времен – новых, само собой. Периодически горячие сталкеровские головы

пытаются эту странность исправить и запретные «сосуды» раскупорить. Так вот, с первыми выстрелами сюда сбегутся целые полчища мутантов. Последний рекорд по удержанию круговой обороны составил всего двенадцать минут, нам же все тридцать продержаться нужно – служба за здравие лаконичностью не отличается.

– Хреновый расклад…

– Не то слово, Геракл, не то слово.

– Хоть бы нам броню выдали. Глядишь, пару минут и отыграли.

Додон без всякого выражения смотрит на собственный отряд «панцирников» и вяло отмахивается:

– Это все бирюльки, не поможет особо, больше для понту вырядились. Ставку на другое делаю… Ты к наркоте как относишься?

Сплевываю в ответ:

– Самолично расстреливал наркоманов и барыг!

– Молодец, хоть что-то в тебе правильное есть. Видать, даже в самой черной душонке просветы встречаются.

С этими словами площадник извлекает из вещмешка небольшой металлический ящик, напоминающий по виду безыскусную, лишенную малейших узоров шкатулку. Внутри медицинские шприцы и ампулы, аккуратно уложенные в несколько рядов.

– Это то, о чем я думаю? – остается надеяться, что Додон услышит всю глубину презрения, заложенную в емкой фразе.

– То, да не то, – качает седой головой он. – Кайфа не жди. В несколько раз увеличивается реакция, боль практически полностью блокируется, силы прибавляются… Главное, в запале мутов поверх себя не поднимать – кости рук от массы такой хрустнуть могут, а ты даже и не заметишь, героический муравейчик…

Я с интересом кручу заполненные мутной жидкостью стеклянные ампулы:

– Забавная штучка. А побочка?

– Кто ж его знает? Препарат старый, экспериментальный… Говорят, два шприца – смертельная доза, через пару часов разрыв сердца гарантирован. А тут аж по три дозы на брата. Если кто рассчитывает жить вечно, могут…

– Не могут, – зло обрываю я. – Давай свою дурь. И уточняю: по три на брата.

– Молодцом, – старый воин вновь щедрится на похвалу. – Был бы не таким конченным засранцем, мог бы стать неплохим солдатом.

– Да пошел ты…

* * *

– Проверка связи! – шипит в ухе одолженный Додоном наушник. От неожиданности вздрагиваю: громкость выкручена на полную катушку.

– Слышу, слышу…

– Динамик не вздумай закрутить, – вновь раздается надсадный хрипящий голос. – Скоро все превратится в ад, а в аду стоит такой грохот, что…

– Понял, конец связи! – Я грубо обрываю, не нуждаясь в объяснениях. От уколов кружится голова, глаза режет, а в ушах без остановки что-то шумит – наверное, кровь прилила к голове. Сейчас бы посидеть парочку минут, оклематься. Однако сначала надо расставить людей по оговоренной с мерзопакостным площадником схеме, тогда и…

Поначалу робко, еле слышно, а потом, все увереннее набирая ни с чем не сравнимую силу, сверху раздается колокольный набат. Через минуту его мелодичный и одновременно напористый перезвон наполняет все пространство вокруг, изгоняя извечную тишину пустынного мертвого города далеко за его пределы. Запрокинув головы, все – и площадники, и дина-

мовцы – устремляют восторженные взоры на раскачивающиеся в вышине колокола. Металл поет. Пусть прощальную песню, за которой уже не будет ничего, – неважно! Если ты слышал, как рыдает и смеется железо, тебе больше нечего бояться в этой жизни. Священный металл зовет в бой, наполняя душу трепетом и отвагой, вселяя… пусть не надежду, ее нет ни у кого, но ощущение *ненапрасности* самой последней жертвы, что может принести один человек ради другого…

– Ребята, по местам! – с неохотой нарушая волшебство момента, я все же расталкиваю своих людей и заставляю вспомнить о задании: стоять насмерть. Что бы ни творилось вокруг.

Сердце превращается в наковальню. Сумасшедший молот без устали обрушивается на нее, отбивая нечеловеческий ритм. Удар, удар, еще удар, тишина – пламенный мотор захлебывается, не в силах прокачать стремительно ускоряющееся алое кровавое топливо. Судорожно хватаюсь за грудь и падаю на колени, глотая ртом воздух.

– Заводись, бейся, бейся! Давай, родное, не подведи!

Слабый удар, провал, укоризненное безмолвие в оглохших ушах.

– Давай!

Кровь с неимоверным усилием пробивается через уже почти сдавшееся сердце и безумной энергией оживляет его.

– Давай!!!

Удар, удар, удар!

«Работай на износ, не жалей ни себя, ни меня, только дай еще полчаса… – я шепчу, я молю. Удар, удар, удар! – Только не сбейся, не умри раньше своего хозяина!»

Ток крови увеличивается, она прорывается к каждой клетке организма, неся в себе бурлящую силу. Бурый туман застилает глаза, что-то вязкое хлещет изо рта, ушей, носа, превращая все лицо в красную маску смерти… Я знаю этот соленый, терпкий вкус, успел привыкнуть к нему за годы *После*. Вопреки всему он бодрит, возвращает в сознание. Вперед!

Вскакиваю и… ничего не вижу. Черное, густое марево затмевает все вокруг. Чувствую всеобщее движение – земля под ногами трясется и вздрагивает. Повсюду странные тени, они мечутся, кружатся в странном и неестественном танце. Тяжелое, хмурое небо обрушивается на меня. Кричу, в немом ужасе вздымая руки, словно потерявший разум атлант, в безумии тщащийся удержать божественный купол мироздания. Что-то происходит: вижу искаженное страхом лицо. Человек безмолвно кричит, его губы складываются в слова, лишенные звучания и смысла.

Имя! Он без устали повторяет мое имя! Сквозь залитые кровью уши прорывается звук, порождая в мозгу тревожный сигнал – этот мир зовет меня. Он целиком состоит из грохота, визга пуль и стонов, превращаемой в прах плоти…

– Геракл! Геракл! Очнись, Паша! Геракл!

Этот мир просит, молит своих жертв броситься на алтарь…

– Паша!

Этот мир выпьет наши души, но такова участь всех солдат – убивать и умирать.

– Геракл!!!

Уворачиваюсь от очередной пощечины и перехватываю руку своего бойца:

– Я в норме. Сколько времени прошло?

– Павел Александрович, слава Богу! Тут ад! Три минуты всего…

– Давай, Петя, беги, со мной все в норме, правда. Давай…

Сквозь непрекращающийся рев войны слышу громкое: «Жив командир, теперь зададим жару…»

Пора наверстывать упущенное. Автомат рычит и стонет, рвется в бой. «Сейчас, друг, потерпи, все только начинается…»

* * *

Они осторожно хлопают меня по плечам: «Как же ты вовремя, командир!». Озираюсь по сторонам – горячка боя не отпускает, древние инстинкты хищника и охотника требуют новых жертв. Но перекресток перед церковью пуст, лишь горы трупов…

«Девять минут. Первая волна».

Кто это говорит? Глаза с трудом фокусируются. Додон! Усмехается:

– Передоз, или зассал поначалу?

Скрипучий, царапающий уши смех.

– Мне нельзя останавливаться, – хриплю, не узнавая собственный голос. – Второй раз сердце не заведу!

Враг пристально смотрит, его рот больше не кривится презрением.

– Держи.

В мои руки ложатся огромный мачете и десантный нож. Голая сталь – она поет. Древние, забытые и вновь возрождаемые смертью гимны. Сталь горит от вожделения, молит: «Ороси меня кровью».

Теперь смеюсь сам – пугая бойцов, захожусь в нечеловеческом хохоте. «Да! Вы получите то, о чем мечтали, и даже больше!» Кручусь вокруг своей оси, без устали совершаю выпады на невидимого противника, благословенное оружие режет воздух. Пока воздух…

– Вторая волна!!!

«Наконец-то!»

* * *

Тишина. Странная. Ласкает и мучает слух.

«Семнадцать минут!»

Они в испуге и восторге смотрят на меня. Я должен спросить о потерях, но все вижу и так. Вторая волна мало кого пощадила. Ищу глазами Додона. Жив. Сидит на земле без движения, низко опустив седую голову, но грудь тяжело вздымается. Значит, еще повоюем.

Стальные клинки захлебнулись чужой кровью и потеряли былой блеск, окрасившись в алое. Мы все сегодня утонем в бурой жиже – своей и тех тварей, что…

– Динамо, ты форменный мясник! – старый площадник отвлекает меня. Опять насмешка, но есть и новые нотки… Страх?

– Страх, – он словно читает мысли. – За тех уродов, которым не повезло оказаться с *той* стороны баррикады.

Мы смеемся.

– Жаль, себя не видишь. Не знаю, кровавый ли ты демон, или ангел войны, главное – сегодня этот монстр за нас.

– Демоны не защищают церквей…

– Но и крыльев у тебя нет.

Угар уходит, адреналин еще кипит в венах, но надолго его не хватит. Я не ангел и не демон, я – заложник последнего боя, его жертва и герой. Я живу смертью. Я умру без движения.

Пока сердце колотится в груди, быстро расставляю выживших солдат на самые «прореженные» участки обороны, сам встаю за пулемет. Пусть честная сталь получит передышку, мне же отдых противопоказан. Давайте, гады! Пусть разразится буря!

Она не заставляет себя ждать.

* * *

– Геракл!

Руку свело, она продолжает давить на спусковой крючок пустого, бесполезного теперь пулемета.

– Геракл!

Разодранный в клочья ствол еще па́рит жаром и жалобно смотрит в небо, застывшее прямо над головой. Еще секунда, и оно расплющит меня…

– Геракл, твою мать!!!

Это Додон. Он лежит на спине, в огромной луже крови, царапая скрюченными пальцами землю.

– Сколько… времени? Гера, сукин ты сын, я слышу твое дыхание! Время?!

У старого солдата перебиты ноги, а лицо… лица больше нет, лишь кривящиеся в бесконечном вопросе тонкие губы:

– Сколько времени?!!!

– Двадцать пять минут.

– А мы молодцы, да? – ослепший старик смеется, но тут же захлебывается. С трудом прокашливается. – Остался кто еще?

– Нет, Додон, в финал вышли только мы.

– Что шумит? Такой треск странный…

Из-под огромного кургана нечеловеческих тел, засыпавших вторую, последнюю линию обороны, вырывается устремленный вертикально вверх столп пламени. Мертвые руки погребенного там огнеметчика так и не разжали своей хватки…

– Это смерть, Додон. Скребется в наши дверки, торопит…

– Веселый ты парень, Паша… У тебя херотень химическая еще осталась?

Киваю, словно собеседник может увидеть меня:

– Аккурат пара ампул.

– Давай на посошок. Еще чуть повоевать надо…

– Давай.

Вкладываю в его ладонь проклятую склянку, что дарует силу в обмен на остатки жизни. Мы чокаемся стеклянными шприцами.

Химия мгновенно помогает, и Додон улыбается, легко усаживаясь на земле.

– Жаль, ноги не слушаются. Ты привяжи меня куда-нибудь, хоть к светофору или столбу какому, и ножичков дай. Глядишь, полминутки тебе отыграю…

Сомневаюсь, что слепому воину удастся продержаться и пять секунд, но раз он решил умереть стоя…

– Додон, ты веришь… что все не напрасно?

Старик недобро ухмыляется и «*смотрит*» на меня в упор.

– Знаешь, почему я здесь? Почему против коменданта пошел, почему единственного родного человека в лазарете одного оставил, почему вас, врагов поганых без души и совести, в тюрьме не порешил, почему не только сам на смерть отправился, но и людей своих верных да преданных увел? А потому, Динамо, что мне в треклятой моей жизни чудеса видеть приходилось. И самое расчудесное чудо, что Антошкой зовут, мне внуком приходится. Ему папаша собственный, врач наш станционный, при рождении диагноз поставил, отмерив ровно два дня жизни. Отмерил, и руки на себя наложил: не вынес потери жены, которая при родах умерла, и собственноручно вынесенного сыну приговора. Вот только отец Михаил неделю у люльки простоял, без сна и отдыха, отмаливая у смерти душу безгрешную… И отмолил, вытащил с того света.

Завтра моему внуку исполняется пять. Правда, шансов дожить до утра у него немного, слишком болезненный, слишком слабый – принесенная тобой зараза заберет его первым. Вот и подумай, на что рассчитывать в этом мире сироте, который был спасен вопреки всему – диагнозу, злой судьбе, смертельному приговору? Мы обязаны совершить Чудо, Геракл. Ни больше и ни меньше. За тобой долг. Верни его сполна…

Мы молчим. Обвинение и раскаяние – слова здесь ни к чему. Лишь когда земля наполняется гулом и слышится приближение последней волны, что сметет нас без остатка, Додон тихо спрашивает:

– Время?

– Двадцать девять.

– Я попытаюсь простить тебя, Динамо. Честно… По тридцать секунд на брата – хороший расклад!

* * *

Тридцать восемь секунд. Целая вечность для слепого солдата… Тридцать восемь секунд отчаянной битвы, прежде чем рогатый монстр вспорет ему живот, от паха до груди… Кровь – горячая, пульсирующая, еще полная жизни – бьет в небо фонтаном и через мгновение обрушивается на землю тысячами тяжелых, уже мертвых капель.

Наушник в ухе шепчет на прощание:

– Дождь… Геракл, это дожжж…

Все. Есть только Храм за спиной, я и море теней, что разлилось окрест. Волна, настоящий вал надвигается на меня.

Сквозь чуть приоткрытые двери церкви слышу тайные слова, и заходящееся в агонии сердце гулкими ударами вторит им в ответ:

«Милосердный Господи, Иисусе Христе…»

Вижу сотни горящих лютой злобой глаз. Голод и ярость – вам не утолить ни того, ни другого!

«Тебе вручаю детей наших, которых Ты даровал нам, исполнив наши моления».

Бегу на встречу убийственному потоку.

«Прошу Тебя, Господи, спаси их путями, которые Ты Сам знаешь».

В левой руке автомат, в правой – сталь.

«Сохрани их от пороков, зла, гордости и да не коснется души их ничто, противное Тебе».

Свинец, собрав свою дань, иссякает. Боек тщетно стучит, не находя больше патронов. Мачете – теперь уже карающий Меч – чертит огненную дугу.

«Но веру, любовь и надежду на спасение даруй им».

Меч ускоряется с каждым мгновением. Он настолько стремителен – я едва поспеваю за ним. Росчерк пламени – безумный, захлебывающийся вой с *той* стороны, пылающее лезвие вспарывает дрожащий от напряжения воздух и зловонную плоть.

«Ангелы Твои да охранят их всегда».

Пропускаю удар и отлетаю далеко назад. Бурлящее море с рокотом накатывает, волоча потерявшее равновесие тело. Но боли нет.

«…и Ты по своей неизреченной милости прости их».

Вскакиваю. Заношу для удара так и не выпавший из руки верный меч и… не успеваю.

«Молитвою Пречистыя Твоея Матери Богородицы и Приснодевы Марии и Святых Твоих, Господи, помилуй и спаси нас…».

Пара огромных клыков-бивней со страшным хрустом врезается в грудь. Мир замирает.

«…ныне и присно и во веки веков».

Ребра – мои латы, броня, защищающая истерзанное сердце. Им не выдержать, не сдержать безграничной ненависти, что волна за волной разбивается о человеческое упрямство и волю. Мы – неуступчивые и хищные создания, этот мир наш – по праву рождения, по праву силы! Жаль, но в стене из костей, зовущейся грудной клеткой, нашлась брешь…

Подобно тарану мое пробитое насквозь тело врезается в двери храма, и они содрогаются. Победивший меня зверь истошно вопит. Вижу его глаза напротив своих: тварь трясется от ужаса – настоящего, животного, ни с чем не сравнимого ужаса!

Пускаю в ход единственное оставшееся оружие. Губы складываются в еле слышный, но сотрясающий небеса «Аминь».

Додон, ты слышишь? Мы совершили Чудо! Нависающее, закрытое непробиваемыми тучами небо больше не давит, не впечатывает в щедро омытую кровью землю. Его истончившиеся своды получают пробоину за пробоиной, проседают под яростью света, рожденного по *my* сторону. Первые лучи неистового Солнца золотят купола Большого Златоуста, и их яркий отблеск закрывает мои глаза. Чьи-то уста, что легче воздуха и ветра, осторожно касаются лба.

– Спи, солдат. Ты победил…

* * *

Глаза распростертого на полу сталкера дрогнули и медленно раскрылись. Робкий утренний свет заглядывал в глубь помещения через открытые настежь двери. Солнце еще не вступило в свои законные права, но первые его лучики уже разрезали сумрак уходящей ночи.

Человек с трудом приподнялся и сел, опершись на руку. Мышцы нещадно ныли – сумасшедший побег тяжело дался ему, выпив все силы и измучив тело. Однако сталкер не обращал внимания на боль. Причудливая аура этого места, казалось, до сих пор не отпускала его из своих объятий, погрузив в события давно минувших дней.

«Что это было? Ожившая легенда? Сказка? Миф?» Человек тряхнул головой, прогоняя наваждение. Много раз слышанная история, пересказанная на все лады. Никто уже очень давно не верил в нее, в чудеса вообще не принято верить, обитая в подземном мире.

Что-то блеснуло у самого входа, отразившись в сиянии нарождающегося светила. Пришлось подняться на непослушных ногах, чтобы рассмотреть. На ступенях, ведущих к храму, лежал невероятно длинный и широкий нож, почти целиком покрытый запекшейся кровью. Мачете… Карающий меч из прошлого? из сна?

Сталкер подошел и, присев на корточки, осторожно коснулся деревянной рукояти. Не морок, не видение! Меч, ждущий своего героя.

Весь страх ушел, сгинул безвозвратно, не оставив и следа, не оставив сомнения. Сталкер вскочил и резко вскинул священное оружие у себя над головой, словно приветствуя Солнце:

– Я не боюсь, я больше не боюсь!

Человек не смотрел на вылезающих из своих нор гадов, привлеченных его криком. Глядя в очистившиеся от крови грани меча на отражение нестерпимо яркой, запретной звезды, он повторял вновь и вновь странные слова:

– Мы совершим чудо, мы совершим чудо, мы совершим…

Ольга Швецова. Наставник

Ему никогда не снилось метро. Уже двадцать лет подряд, просыпаясь, он видел мрачные серо-коричневые тона, господствующие в подземке: жестокое разочарование после голубого неба над головой. Опять тусклый свет аварийного освещения, от которого не зажмуришься, а только прищуришь глаза, чтоб хоть что-то разглядеть в двух метрах от себя. Еще он видел во сне тянущуюся к нему руку, поцарапанную, с обломанными ногтями, пальцы напряжены в последнем возможном усилии: дотянуться… И всегда нескольких миллиметров не хватало – просыпался. Сердце колотилось, как бешеное, его стук отдавался в ушах, заглушая все другие звуки. Не успел, не смог. Не выполнил свой долг спасателя.

В тот день сигнал тревоги для него и его коллег прозвучал чуть раньше, чем для остальных жителей города. Их шофер развернул машину, пренебрегая всеми правилами движения, и бригада МЧС направилась к ближайшей станции метро, чтобы грамотно организовать эвакуацию в бомбоубежище. Ха! Какая к черту эвакуация?! Порядка в этой толпе было не больше, чем в бегстве диких животных от лесного пожара. Что могли спасатели? Только помочь слабому, привести в чувство того, кто растерялся, поднять упавшего в толпе…

В конце концов, и его затянуло в метро. Ворота за спиной закрылись, и он остался стоять на платформе, пытаясь понять: что же теперь надо делать? Выходило, что, как обычно, свою работу: вправить вывих, остановить кровотечение, просто посидеть рядом с человеком, держа его за руку – душевные раны иной раз болят сильнее телесных. Сам он легко отделался – раньше его жизнь шла по замкнутому кругу: работа, дом, магазин, теперь же: работа, работа, продпаек, опять работа и – хлоп мордой в подушку. Видеть сны о прошлом. Видеть солнце, небо, траву, слушать шум большого города. Или снова впустую сжать пальцы в воздухе, не дотянувшись до руки… Двадцать лет он видел это во сне. Что бы сказал по этому поводу старик Фрейд? Иногда ведь и сигара – вовсе не признак скрытого гомосексуализма, а просто сигара. А он просто чувствует свою полную беспомощность. Просто…

Люди нуждались в нем. Целый год. А потом… Как-то незаметно все наладилось, метрополитен перестал напоминать сплошную чрезвычайную ситуацию, и аббревиатура МЧС уже не звучала так гордо и обнадеживающе, как раньше. Он не привык быть лишним и ненужным. На поверхность попросился одним из первых – нетрудно быть героем, когда и терять-то особенно нечего. Да и подвигом это не назовешь: не было еще никаких тварей, опасность представляли только радиация и техногенные факторы, а когда есть хорошие защитные костюмы, риск получить облучение минимален. Только вот в городе показалось, что со всех сторон смотрят мертвые глаза. Глаза неспасенных. Ему одному из первой группы сталкеров удалось сохранить хоть внешнее подобие спокойствия, но именно тогда и начал сниться этот сон…

– Виктор, проинструктируй новичка, расскажи, что его ТАМ ждет, – командир блокпоста подтолкнул в спину едва достигшего совершеннолетия пацана. – Ну, вы тут сами разберетесь…

Он давно не выходил в город – уже через четверть часа ходьбы в противогазе нечем было дышать, кружилась голова, мог потерять сознание от гипоксии. Возраст, чего же он хотел? Но подготовкой сталкеров продолжал заниматься, когда попросят.

Парень изо всех сил хмурил брови, стараясь казаться серьезнее и старше, чем он есть, но больше девятнадцати лет, по расчетам Виктора, никак не выходило. Сопляк. Впрочем, выбора не было. Все хотели быть сталкерами, но здоровых и подходящих по всем параметрам молодых людей в метро оставалось все меньше и меньше. ОЗК болтались на новичках, как тряпки на бельевой веревке, за стеклышками противогаза – детское любопытство. Сталкеры, блин горелый…

– Имя у тебя есть, недоросль?

– Михаил Васильевич.

– Васильевичем будешь, когда прыщи с лица сойдут. А пока – Мишка.

На вопрос Мишки, как там наверху, ответил одним словом: жутко.

Виктор никого не оставил ТАМ, на поверхности, только и помянул товарищей по работе, которые погибли при исполнении. То, что в метро оказался именно он, было случайностью. Его одиночество, которое раньше казалось недостатком, обернулось теперь чувством покоя: все, что у него было, – это он сам. Боялся, что, обретя что-то, тут же потеряет. В мирной жизни Виктор был обычным городским спасателем, и ничего сложнее, чем вытащить детскую конечность из батареи или пьяного бомжа из канализационного люка, ему обычно делать не приходилось. На разбор завалов после обрушения зданий он не выезжал, на пожарах и наводнениях не работал. Поэтому сон ему самому казался загадкой: с чего бы?

– Дядя Витя, а чему вы учите? – Мишка удивлялся, как и все предыдущие новички, не видя на столе автомата, а только противогаз и аптечку. – Стрелять я и так умею.

– А я и не сомневаюсь, что ты умеешь…

И пока только на стрельбище… А как прибор ночного видения наденешь на запотевший противогаз – сразу разучишься. Да еще душно в ОЗК, жарко. И нос все время чешется именно тогда, когда твари рядом, и нельзя пошевелиться. К этому тоже надо привыкнуть, лучше здесь начесаться в свое удовольствие. Выход наверх – это не только смелый поступок, от которого гордость распирает и девушки на шею вешаются. Это похоже… На выход в космос, что ли? Человек видит над собой звезды, смотрит на останки былой цивилизации и вдруг понимает, что родился вовсе не для того, чтобы жить под землей. И как после всего этого опять забиться в мрачную, протухшую нору? Уже не усидеть на месте, человек снова выходит на поверхность, пока… Пока не останется там навсегда. Сталкеры редко умирают в своей постели.

Но сколько бы Виктор не запугивал «желторотиков», ни одного не удалось отговорить от похода наверх. И они больше не могли остановиться, как летчики не могли жить без полетов, – это сродни наркотику. Почему он сам этого никогда не чувствовал?

Настроение по возвращении было, как после кладбища. Виктор понимал, что он неисправимый пессимист, но именно поэтому его и просили немного «приземлить» новичков, которые считали, что ТАМ их ждет воинская слава, а особо практичных – неисчислимые богатства. Нет там ничего, только темнота, ветер, со свистом носящийся по развалинам, и голодные хищники. Все остальное человек домысливает себе сам, вот почему настолько по-разному описывали сталкеры свои походы: каждый видел то, что сам хотел…

Виктор еще раз осмотрел нового ученика.

– Я могу научить, как выжить на поверхности. Как там дышать, как ходить… – Мишке уже стало скучно, он заглядывал в аптечку. «Что-то быстро ему надоело, другие подольше держались. Не выйдет из него толкового сталкера, не тот темперамент. Спокойнее надо быть». – А тот, кто меня не слушает, обычно пробку из фильтра противогаза вынуть забывает!

– Я слушаю… А что надо делать?

– Для начала надевай комбез – и бегом три круга по станции.

Вот чудо в перьях, улыбается еще чему-то… Побежал. Ничего, потом и противогаз нацепит, автомат на спину повесит. А через пару дней и до рюкзака с кирпичами дело дойдет. Пусть привыкает, что за сталкер без мешка с добычей? А он, Виктор, ему еще и ящиков пустых на дороге разложит, пусть преодолевает препятствия.

– Садист вы, дядя Витя!

– Ты меня еще поучи, салага! – «Далеко убежал ученик… – Виктор еще раз протер тряпочкой противогаз для Мишки. Тяжело в учении, легко в гробу… Учит он их чему-то, другие наставники делают из них бойцов. А потом эти недоросли через месяц-два уходят получать официальный жетон. Засранцы неблагодарные, хоть бы один назад вернулся! Ну, не преду-

смотрены у них в бюджете станции наемные сталкеры, своих готовили. Место хорошее, фон радиационный не такой сильный, как во многих других местах. Казалось бы: живи и радуйся, да таскай с поверхности барахло. Нет, как шило у них ниже спины! Не сидится им здесь: как только хвастаться не перед кем становится – нет сталкера, ищи следующего. Хорошо, что добровольцы не переводятся. Только он никуда не двигается», – проводил взглядом заметно уставшего Мишку. Сам Виктор и без химзы теперь ста шагов не пробежит. Бывший спасатель, бывший сталкер… И мужик-то, наверное, уже бывший.

– Дядя Витя, вы не соскучились?

– Еще круг! И скорость прибавь, твари – они быстрые.

* * *

Он видел сон: осенние листья лежали на земле, скованные льдом. Как будто уже конец октября, днем еще греет солнце, а к вечеру земля по-зимнему холодная. Листья были разные: светло-коричневые – дубовые, прогнившие до черноты – тополиные. И сверху – золотистый березовый, с мелкими зубчиками по краю и несколькими червоточинками. Он удивился даже во сне, что помнит до мелочей, как выглядят опавшие листья. И какой-то голос шепнул ему на ухо: «Это твоя жизнь». Во сне он согласился с голосом – его осень уже наступила, он даже не ощущал собственного тела, растворился в этом замерзшем пестром ковре, – но, проснувшись, удивился. Почему там не было ни одного ярко-красного кленового листика? Умный мужик был Фрейд, черт его задери, есть в человеке что-то бессознательное. Не было в жизни ничего яркого, и листьев кленовых нет. И вообще, если сны стали более интересными, чем реальная жизнь… Плохой признак.

Оказание первой помощи у всех «желторотиков» шло из рук вон плохо. Если уж они на станции бинт сикось-накось накручивают, что же в боевых условиях будет? Наставника Мишка обмотал тряпочной полосой, как мумию, а самому себе ногу перевязал так, что через два шага повязка свалилась. Торопится все куда-то! Ну, конечно, мы же самые неуязвимые, уж с нами-то точно ничего не случится! Вот товарищу помочь – это дело. Откуда в них это берется: уверенность в том, что они лучшие, выйдут наверх и всех чудовищ разом победят? Что-то пока ни один с этой задачей не справился. Может, если побольше таких наглецов вместе собрать, то молодой энтузиазм свое дело сделает? Да нет, бред это, не умеют они в команде работать, каждый сам по себе отличиться хочет…

– Дядя Витя, а почему у вас нет семьи? Одинокий мужик сейчас на вес золота.

Виктор даже не знал, что ответить: доставучий Мишка пренебрегал всеми правилами приличия, задавая подобные вопросы, но почему-то это не вызывало раздражения. Ему и в самом деле было интересно – за две недели он успел выспросить почти всю биографию наставника.

– Не переживай, тебе девушек больше достанется. Может, от прыщей избавишься…

– Чушь это, дядя Вить, устаревшая и ненаучная!

– Так, быстро противогаз надел – и молчать!

Кричать пришлось в удаляющуюся спину – Мишка пошел на следующий круг по станции. Непонятный парень, не то придуривается, не то действительно немного того… плохо воспитан. Самое неприятное заключалось в том, что Мишкин интерес заставлял Виктора сомневаться, правильно ли он, наставник, живет. Для этого недоросля ответ на вопрос неочевиден, с чего-то ведь он его задал… Нет, пора завязывать с этими учениками, а то он сам себе психоаналитиком становится, как будто ему идиотских снов было мало!.. А неплохо держится «желторотик», бежит и бежит, поблажек не выпрашивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.